

Между нами горы

Автор:

[Чарльз Мартин](#)

Между нами горы

Чарльз Мартин

Джентльмен нашего времени. Романы Чарльза Мартина

В окруженном горами аэропорту Солт-Лейк-Сити отменены все рейсы из-за непогоды. Двое случайных знакомых, Бен Пейн и Эшли Нокс, решают лететь на маленьком частном самолете. Эшли опаздывает на собственную свадьбу, а хирург Бен – на важную операцию. К несчастью, самолет терпит крушение в горах. Пилот погибает, и два мало знакомых пассажира остаются наедине друг с другом среди заснеженных вершин. Чтобы спастись, им придется совершить невозможное...

Чарльз Мартин

Между нами горы

Криссу Фирби

Charles Martin

The Mountain Between Us

Copyright © 2010 by Charles Martin

This translation published by arrangement with Three Rivers Press, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Random House LLC and with Synopsis Literary Agency.

Published in association with Yates & Yates, LLP, attorneys and counselors, Orange, CA, www.yates2.com

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Вступление

Эй...

Не пойму, который час. Только бы запись работала... Я очнулся несколько минут назад. Все еще темно. Понятия не имею, сколько времени пробыл в отключке.

В разбитое лобовое стекло метет снегом, лицо замерзло, моргать и то больно. Такое ощущение, будто краска на щеках засохла. Благо, что во рту ее вкуса не ощущается.

Меня колотит... и такое чувство, будто кто-то уселся мне на грудь. Задыхаюсь. Наверное, сломано несколько ребер. Вдруг легкое не дышит?

Здесь, на высокогорье, воет злой ветер, треплющий хвост фюзеляжа... или его остатки. Что-то вверху – ветка, наверное, – корябает по плексигласу, звук такой, будто ногтями проводишь по школьной доске. Сзади, оттуда, где раньше был хвост, тянет холодом.

И несет керосином. Думаю, в баках самолета еще полно горючего.

Борюсь с тошнотой.

Меня обхватила рука. Холодные заскорузлые пальцы, потертое обручальное кольцо. Это Гровер.

Он умер еще до того, как мы задели верхушки деревьев. Загадка, как он умудрился уронить эту штуку, не убив заодно и меня.

При взлете наземная температура была еще более-менее. Не уверен, что теперь она такая же. По ощущению – гораздо холоднее. Высота полета должна была составлять где-то 11500 футов. Мы упали не больше чем на пятьсот футов, когда Гровер завалился на крыло. Приборная панель не горит, припорошена снегом. Изредка вспыхивает и сразу гаснет маячок GPS.

Где-то тут была собачонка, зубы да мышцы, больше ничего. Короткошерстная такая псина, размером с хлебницу, с дыханием, как сердитое бульканье. Ты совсем помешался, дружок? Погоди...

Вот так... Нет, не так. Ладно, лижись, только, чур, не прыгать! Как тебя зовут? Тебе страшно? Мне тоже.

Никак не вспомню его кличку.

Опять очнулся... Надолго я вырубился? Ага, песик. Зарылся мне под куртку, залез под мышку.

Я уже о нем говорил? Кличку не вспомню, хоть убей.

Его трясет, веки трепещут. При каждом порыве ветра он вздрагивает и пытается огрызнуться.

В голове туман. Мы с Гровером разговаривали, когда он управлял самолетом. Иногда мы проваливались в воздушные ямы, на приборном щитке плескалось море синих и зеленых огоньков, под нами было темно, ни единого проблеска света миль на шестьдесят в любую сторону... Еще была женщина. Она торопилась домой, к жениху, на обед накануне своего бракосочетания. Сейчас

взгляну.

...Нашел. Она без чувств. Пульс частый. Заплывшие глаза, расширенные зрачки. Вероятно, сотрясение мозга. Глубокие порезы на лице, на некоторые надо бы наложить швы. Правое плечо вывихнуто, перелом левого бедра. Кожа не прорвана, но нога вывернута, штанина натянута. Надо вправлять, вот только отдышусь...

Холодает. Похоже, нас настигла буря. Если не найду, во что закутаться, замерзнем здесь до смерти еще до рассвета. Ногу придется отложить до утра.

Рейчел!.. Не знаю, сколько времени нам осталось, не знаю, выживем ли, но... Я беру назад свои слова. Я был не прав, вспылил. Нельзя было все это говорить. Ты думала о нас обоих, а не о себе одной. Теперь я это понимаю.

Ты права. Была права все это время. Шанс существует всегда.

Всегда.

Глава 1

Аэропорт Солт-Лейк-Сити

12 часами ранее

Вид был хуже некуда: все серое, унылое, одно слово – январь. Тип на телеэкране у меня за спиной заикнулся, сидя в своей нью-йоркской студии, об «отмене полетов из-за плохих метеоусловий». Я прижался лбом к стеклу. Ребята в желтых комбинезонах везли по летному полю длинные вереницы тележек с багажом, оставлявших в снегу глубокие колеи. Рядом со мной сидел на

видавшем виды чемодане усталый летчик, комкая в руках фуражку; он еще надеялся, что представится шанс добраться до дому и провести ночь в своей постели.

На западе тучи окутали взлетную полосу; видимость была нулевая, но ветер временами разгонял туман, как будто отворяя окна надежды. Аэропорт Солт-Лейк-Сити окружен горами. На востоке над облаками поднимались заснеженные вершины. Меня всегда влекли горы. Даже сейчас я задумался: а что там, за горами?

По расписанию мой рейс должен был вылететь в 6.07 вечера, но все остальные рейсы так сильно задерживались, что и мой могли отложить до утра. А то и вовсе отменить. Устав смотреть на мигающую строчку «задержан» на табло, я переполз в угол у дальней стены, разложил кое-как на коленях истории болезни и стал надиктовывать в цифровой диктофон отчеты, диагнозы, рекомендации. Все это были пациенты, которых я осматривал за неделю до отъезда. Взрослых я тоже лечил, но большинство историй, которыми я обложился, были детскими. Много лет назад Рейчел, моя жена, уговорила меня заняться детской спортивной медициной. Она была права: на хромящих ребятишек невозможно смотреть без сочувствия, зато когда они радостно убегают вприпрыжку – это счастье.

Работы было еще полно, а красная лампочка – индикатор разрядки батареи на моем диктофоне – уже мигала, поэтому я отправился в киоск. Оказалось, что две батарейки AA стоят там 4 доллара, а двенадцать штук – 7. Я отдал продавщице 7 долларов, заменил в диктофоне батарейки и убрал оставшиеся десять штук в рюкзак.

Я возвращался с медицинской конференции в Колорадо-Спрингс, где участвовал в работе секции «Взаимосвязь детской ортопедии и неотложной помощи». Речь у нас шла о способах экстренной помощи и госпитализации, об особенностях подхода к детям с учетом страха, который они испытывают. Место для конференции было выбрано чудесное, сама она полностью удовлетворила меня профессионально, а главное, у меня была возможность посвятить четыре дня восхождению на горы Колледжиэйт Пикс рядом с Буэна-Виста. Если честно, в этой поездке мои деловые интересы совпали с туристическими. Многие врачи покупают «Порше», большие дома, платят за членство в загородных клубах, хотя редко там появляются. А я совершаю длинные пробежки по пляжу и занимаюсь альпинизмом, когда попадаю в горы.

Поездка продолжалась неделю.

На обратном пути я перелетел из Колорадо-Спрингс в Солт-Лейк, чтобы оттуда лететь напрямик до дома. Воздушные путешествия не перестают меня восхищать: летишь на запад, чтобы оказаться на востоке. Толпа в аэропорту поредела: большинство стремилось к воскресенью оказаться дома. Те, кто оставался в аэропорту, толпились либо у своих выходов, либо в баре, коротая время за пивом, над корзинками начос или копченых крылышек.

Ее походка привлекла мое внимание сразу: длинные стройные ноги, решительный, но при этом грациозный и ритмичный шаг. Раскованность, уверенность в себе. Росту в ней было пять футов и девять-десять дюймов, волосы черные; привлекательная, но не слишком озабоченная своей внешностью. Лет тридцать. Короткая прическа. Похожа на Вайнону Райдер в «Прерванной жизни»[1 - Фильм производства США - Германия (1999 г.), режиссер Джеймс Мэнголд. В главных ролях - Вайнона Райдер, Анджелина Джоли и др. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)] или на Джулию Ормонд в «Сабрине»[2 - Фильм производства США - Германия (1995 г.), режиссер Сидни Поллак. В главных ролях - Харрисон Форд, Джулия Ормонд, Грег Киннер.] с Харрисоном Фордом. Могло показаться, что ей наплевать на свой внешний вид, но на Манхэттене часто встречаешь таких стильных девушек, заплативших за свою внешность большие деньги. Эта, держу пари, не слишком потратилась. Или другой вариант: раскошелилась, чтобы, глядя на нее, можно было подумать, что она отсчитала сущие гроши.

Она подошла ближе, оглядела толпу и выбрала себе местечко на полу футах в 10-15 от меня. Я наблюдал за ней краем глаза. Темный брючный костюм, кожаный атташе-кейс, сумка на колесиках. Судя по виду, возвращается из короткой деловой поездки. Она поставила на пол вещи, переобулась в кроссовки и, сидя на полу и разглядывая терминал, стала делать гимнастику. У нее получалось прикасаться лбом, грудью, даже животом к бедру, потом к полу между ногами - наверное, это было привычное для нее упражнение. Ноги у нее были мускулистые, как у инструктора по аэробике. Поупражнявшись несколько минут, она достала из кейса несколько желтых блокнотов и стала листать странички с рукописными заметками. Одновременно набирала что-то на ноутбуке. Ее пальцы мелькали, как крылышки колибри.

Через несколько минут ее компьютер подал жалобный сигнал. Она нахмурилась, зажала зубами карандаш и стала шарить глазами по стенам в поисках розетки. Я как раз заряжал свой компьютер из парной розетки, второй вход был свободен.

- Не возражаете? - обратилась она ко мне, показывая вилку сетевого шнура.

- Конечно.

Она подсоединилась и села на пол по-турецки с компьютером, разложив вокруг себя блокноты. Я продолжил свои занятия.

«Диспансерное наблюдение после ортопедической консультации... - Я стал изучать календарь, вспоминая дату. - 23 января. Доктор Бен Пейн. Пациент - Ребекка Петерсон. Личные данные: родилась 7-6-1995, медицинский номер ВМС2453, пол женский, белая, ведущий правый край футбольной команды, чемпионка Флориды по голам, множество предложений от команд страны, в том числе 14 от команд первого дивизиона; операция 3 недели назад, послеоперационное состояние хорошее, осложнений нет, интенсивная физиотерапия, полный двигательный диапазон, тест на сгибание 127 градусов, значительное улучшение при силовой проверке и при проверке на подвижность. Она стала как новенькая, даже лучше, чем раньше, как сама говорит. Ребекка утверждает, что теперь движения безболезненны и что она готова возобновить любую деятельность, кроме скейтборда. Снова встать на скейтборд ей разрешено только после 35 лет».

Я перешел к следующему пациенту.

«Первичная ортопедическая консультация 23 января, доктор Бен Пейн...»

Я каждый раз повторяю одно и то же, потому что в нашем электронном мире каждая запись живет собственной жизнью и в случае утраты требует идентификации.

«Пациент Рашид Смит, личные данные: дата рождения 19 февраля 1979 г., медицинский номер ВМС17437, пол мужской, черный, начинал как бэк в защите в команде «Джексонвилл Джэгуарз». Один из самых быстроногих людей, каких мне доводилось видеть. Магнитно-резонансное исследование не подтверждает разрыва связок и сухожилий, рекомендована интенсивная физиотерапия и

воздержания от баскетбола до завершения карьеры в профессиональном футболе. Ограниченность в движениях из-за боли и чрезмерной чувствительности, которые должны исчезнуть при лечении после завершения игрового сезона. Может возобновить ограниченные силовые и скоростные тренировки после прекращения болей. Осмотр раз в две недели, прекращение членства в баскетбольном клубе YMCA[3 - YMCA (ИМКА; от англ. Young Men's Christian Association - Юношеская христианская ассоциация) - молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей.]».

Убирая истории болезней в рюкзак, я заметил, что она смеется.

- Вы врач?

- Хирург. - Я показал ей папки. - Пациенты за неделю.

- Вы хорошо разбираетесь в пациентах. - Она пожала плечами. - Простите, я невольно подслушала.

Я кивнул.

- Жена научила меня одной важной вещи.

- А именно?

- Что люди - не просто суммы артериального давления и пульса, поделенные на индекс массы тела.

Она опять приснула.

- Значит, вы доктор моего типа.

Я указал подбородком на ее блокноты.

- А вы?

- Обозреватель. - Она ткнула пальцем в бумаги перед собой. - Пишу для нескольких женских журналов.

- На какие темы?

- Мода, тенденции, юмор и сатира, отношения... Но я не анонимная бумагомарака и не занимаюсь сплетнями.

- Из меня писатель, честно говоря, никакой. Сколько статей вы пишете за год?

Она задумчиво покачала головой.

- Сорок-пятьдесят. - Она посмотрела на мой диктофон. - По-моему, большинство врачей не выносят эти штуки.

Я повертел диктофон в руке.

- А я без него шагу не делаю.

- Темный штрих на фоне белого халата?

- Что-то вроде этого, - согласился я со смехом.

- Трудно было привыкнуть?

- Потребовалось время. Зато теперь я жить без него не могу.

- Чувствую, за этим стоит целая история!

- Мне дала это Рейчел, жена. Мы переехали в Джексонвилл, Флорида, я поступил на работу в больницу. Она боялась строгого графика, боялась оказаться «докторской вдовой», поедающей на диване мороженое и пялящейся в телевизор. Диктофон помог нам слышать голос друг друга, не упускать мелочей, не бояться моего будильника в два часа ночи. Два дня он у нее, она наговаривает все, что у нее на душе или на сердце, потом передает мне. Пара дней у меня, пара опять у нее, и так далее.

- Разве сотовый телефон не то же самое?

Я пожал плечами.

- Это разные вещи. Как-нибудь сами попробуйте, тогда поймете, о чем я.

- Вы давно женаты?

- На этой неделе исполняется пятнадцать лет. - Я посмотрел на ее руки и увидел одно колечко с бриллиантом на левой. Обручального кольца не было. - А вы?

Она не удержалась от улыбки.

- Я пытаюсь успеть домой на обед после репетиции церемонии бракосочетания, назначенной на завтра.

- Поздравляю.

Она покачала головой, глядя вверх толпы.

- У меня миллион дел, а я работаю над материалом для статьи о мимолетном писке моды, который мне самой совсем не нравится.

- Наверное, вы хорошо пишете, - предположил я.

Снова пожала плечами.

- Пока что от меня не отказываются. Слышала даже, некоторые покупают эти журналы из-за моей колонки. Сама я этих поклонников никогда не встречала.

Она обладала невероятным магнетизмом в сочетании с потрясающим шармом.

- Вы все еще живете в Джексонвилле? - спросила девушка.

- Все еще там. А вы?

- Атланта. - Она протянула мне свою карточку. ЭШЛИ НОКС.

- Эшли.

- Я для всех Эшли, кроме родного отца: он называет меня Эшер. Он хотел мальчика, был страшно зол на мою мать, когда я родилась не с тем оснащением, вот и переделал окончание имени. Вместо балета и софтбола он таскал меня на тхеквондо.

- Дайте-ка сообразить... Вы из тех чудиков, кто ударом ноги сбрасывает предметы с чужих голов?

- Из этих самых.

- Тогда понятно, почему у вас такая прекрасная растяжка.

Она скромно кивнула - похоже, без всякого желания произвести на меня впечатление.

- Какой у вас уровень?

Она показала три пальца.

- Был у меня недели три тому назад такой пациент, я вставлял ему в голень стержни на болтах.

- Как это его угораздило?

- Он лягнул противника, а тот поставил блок локтем. Голень продолжила движение и согнулась не в ту сторону.

- Видела такое!

- Послушать вас, над вами тоже потрудились хирурги.

- В подростковые годы и позже я участвовала во многих соревнованиях. Национальные чемпионаты, международные встречи в разных странах. Хватало и переломов, и вывихов. Было время, когда мой ортопед в Атланте находился со мной на постоянной связи. Эта ваша рабочая поездка, личная или то и другое?

- Я возвращаюсь с медицинской конференции. Участвовал в работе секции, а еще... - Я улыбнулся. - Еще удалось полазить.

- Полазить?

- В горах.

- Вот, значит, чем вы занимаетесь, когда не режете людей?

Она меня рассмешила.

- У меня два хобби. Одно - бег. Бегая, я познакомился с Рейчел. Начал еще старшеклассником. Привычка старая, с ней трудно бороться. Когда мы вернулись домой, то купили кондоминиум на пляже, чтобы бегать за приливом и обратно. А второе хобби - скалолазание. Это началось в медицинском колледже в Денвере. Я лазил, а она старалась, чтобы у меня не сорвало крышу. В общем, в Колорадо пятьдесят четыре горы выше четырнадцати тысяч футов. Местные называют их «четырнадцатитысячники». Есть даже неофициальный клуб людей, которые все их покорили. Мы начали свой отсчет еще студентами.

- Сколько их на вашем собственном счету?

- Двадцать. Только что я добавил к списку гору Принсетон, 14 197 футов. Она принадлежит к хребту Колледжиэйт Пикс.

Она размышляла целую минуту.

- Это почти три мили над уровнем моря!

- Близко к истине, хотя не совсем.

- И сколько времени занимает такое восхождение?

- Обычно день или меньше, но погодные условия в это время года создают кое-какие... - Я закусил губу. - Скажем, трудности.
 - Нужен кислород? - спросила она со смехом.
 - Нет, но сначала неплохо было бы акклиматизироваться.
 - Там, наверное, снег и лед?
 - Да.
 - Лютый мороз, валит снег, дует сумасшедший ветер?
 - Как я погляжу, вы хороший журналист.
 - Угадала?
 - Бывает и такое.
 - Но вам удалось подняться и спуститься живым?
 - Как видите, - весело ответил я.
- Она приподняла одну бровь.
- Выходит, вы один из этих?
 - Из каких?
 - Из мужчин, покоряющих стихию.
- С этим мне не захотелось соглашаться.
- Скорее, я воин выходного дня. Чаще всего я нахожусь дома, на уровне моря.

Она пристально разглядывала толпу.

- Ваша жена не с вами?

- В этот раз нет.

У меня заурчало в животе: по терминалу потянуло вкусным запахом из «Калифорния Пицца Китчен». Я встал.

- Присмотрите за моими вещами?

- Конечно.

- Я быстро.

Я вернулся с салатом «Цезарь» и с пиццей пеперони размером с целую тарелку. В следующую секунду ожили динамики.

- Внимание, если мы быстро загрузимся, то сможем опередить бурю. Нас не так много, так что пассажиры всех направлений приглашаются на рейс 1672 до Атланты.

На табло восьми выходов вокруг меня красовалось одно и то же - «рейс задерживается». Пара родителей уже бежала по терминалу, за ними торопился выводок - двое мальчуганов, фанатов «Звездных войн», с чемоданчиками и пластмассовыми саблями с подсветкой.

Я схватил рюкзак и еду и последовал за еще семерыми, включая Эшли, к самолету. Нашел свое кресло, пристегнулся. Стюардессы пересчитали пассажиров, и самолет начал движение по летному полю. Такой торопливой посадки у меня еще не бывало.

Самолет остановился, и из динамиков раздался голос пилота:

- Мы встали в очередь на обработку антиобледенителем. Если повезет, опередим бурю. Кстати, впереди много свободных мест. Если вы не сидите в первом классе, то сами виноваты. Места хватим всем.

Все послушно перешли вперед.

Меня ждало единственное не занятое к тому моменту место в первом классе – как раз рядом с Эшли. Застегивая ремень, она подняла на меня глаза и улыбнулась.

– Думаете, мы выберемся отсюда?

Я посмотрел в иллюминатор.

– Сомневаюсь.

– Вы пессимист?

– Я врач. Ремесло делает меня оптимистом со склонностью к реализму.

– Звучит значительно.

На протяжении получаса стюардессы выполняли все наши пожелания. Я пил острый томатный сок, Эшли – каберне.

Когда пилот снова заговорил, его тон меня не слишком обнадежил.

– Как вы знаете, мы пытались обогнать бурю...

Прошедшее время не предвещало ничего хорошего.

– Диспетчеры на вышке предупреждают, что в нашем распоряжении осталось окно примерно в один час...

Дружный вздох. Надежда еще теплилась.

– Но наземная служба сообщает, что один из двух антиобледенительных агрегатов вышел из строя. Получается, остался один агрегат на все самолеты, которые выстроились на взлетной полосе, а мы двенадцатые в очереди. Короче

говоря, сегодня нам отсюда не вырваться.

Самолет содрогнулся от коллективного стога.

Эшли отстегнулась, сокрушенно покачивая головой.

- С ума сойти...

Толстяк слева от меня выругался.

- Наши сотрудники встретят вас на выходе. Если вам нужен ваучер для отеля, обратитесь к Марку, он в красном жилете. Заберите багаж, а потом наш автобус доставит вас в отель. Мне искренне жаль.

Вернувшись в терминал, мы увидели, как надписи «задержан» на табло меняются на «отменен».

- Это никуда не годится! - сказал я, выразив общие чувства.

Женщина за стойкой стоя смотрела на монитор компьютера и покачивала головой. Я еще рта открыть не успел, а она уже отвернулась к телевизору, показывавшему метеоканал.

- Простите, ничем не могу помочь.

Сразу четыре экрана позади меня демонстрировали огромный зеленый смерч, двигавшийся на юго-восток через штаты Вашингтон и Орегон и задевавший север Калифорнии. Бегущая строка внизу предрекала снег, понижение температуры, сильные порывы ветра. Парочка слева от меня слилась в страстном поцелуе. Я поневоле улыбнулся. Кое-кому выпал лишний день счастья!

Марк выдавал ваучеры и направлял людей к багажному транспортеру. Кроме ручной клади - небольшого рюкзака, служившего заодно и деловым чемоданчиком, - у меня был еще один, гораздо больше по размеру, который должно было теперь исторгнуть чрево самолета. Вместе со всеми я ждал багажа.

Я занял место у ленты транспортера и на время потерял из виду Эшли, задержавшуюся у киоска с натуральной едой. За раздвижными стеклянными дверями я увидел огни частного аэропорта, располагавшегося на расстоянии чуть меньше мили. На ближайшем ангаре было выведено огромными буквами: «ЧАРТЕРЫ». В одном из ангаров горел свет.

На ленте появился мой багаж. Я взвалил его на свободное плечо, повернулся – и буквально врезался в подошедшую Эшли. Она вытаращила глаза.

– Я смотрю, вы – скалолаз с обременением. Вы что, собирались покорить Эверест? Зачем вам столько вещей?

Немудрено, что ее напугал мой огромный выдавший виды рюкзачина. Он очень удобный и подходит мне, как перчатка. Сейчас он был забит теплой одеждой и снаряжением для восхождения на Колледжиэйт Пикс. Спальный мешок, грелка, горелка – самое полезное и ценное из всего, а еще пара бутылок с широким горлом, рулон полипропилена и еще много всякой всячины, позволяющей выживать, не поступаясь комфортом, на высоте 10–11 тысяч футов. Здесь же был упакован темно-синий костюм в полоску, красивый голубой галстук (подарок Рейчел) и пара шикарных ботинок – в них я разок заявился на секцию.

– Я человек скромный и на Эверест не рвусь. На высоте пятнадцати тысяч футов мне становится нехорошо. Но ниже – в самый раз. Здесь, – я потрогал рюкзак, – только самое необходимое.

Она высмотрела на ленте свой багаж, схватила чемодан, потом оглянулась с обреченным видом. Похоже, до нее стало доходить, что она не успевает на собственную свадьбу. Она протянула мне руку. Пожатие было твердым, но теплым.

– Рада была познакомиться. Надеюсь, вы доберетесь до дому.

– А вы...

Но она меня не услышала. Отвернувшись, она повесила сумку на плечо и зашагала к очереди на такси, в которой уже томилось человек сто, если не больше.

Глава 2

Я протащил свои вещи через раздвижные двери и остановил аэропортовский автобус-шаттл. Обычно он развозил пассажиров между терминалами и частным аэропортом, но сейчас, когда все покидали аэропорт, он был пуст. Водитель барабанил пальцами по рулю.

Я просунул голову в дверь.

– Довезете до частного аэропорта?

– Садитесь. Все равно больше делать нечего.

Остановившись перед ангаром, он спросил:

– Вас подождать?

– Сделайте одолжение.

Он остался стоять, не заглушая двигатель, а я побежал в ангар, подняв воротник и засунув под мышки ладони. Небо было ясное, но ветер крепчал, температура падала.

Внутри я обнаружил раскаленную печку и седовласого мужчину рядом с одним из трех самолетов – маленьким одномоторным. На борту самолетика было выведено «Чартер Гровера». Ниже было приписано: «Доставляю на рыбалку и на охоту в дальние уголки». И регистрационный номер на хвосте: 138GB.

Стоя ко мне спиной, седовласый целился из лука в мишень на дальней стене. Расстояние составляло ярдов сорок. Когда я подходил, он как раз выпустил стрелу, которая со свистом понеслась к мишени. На нем были выцветшие джинсы, рубашка с пуговицами-кнопками и закатанными рукавами. Сзади на кожаном ремне было вытеснено «Grover», на бедре болтался чехол с многофункциональным инструментом, из-за высоких каблуков он выглядел

колченогим. К его ногам жался джек-рассел-терьер, принюхивающийся ко мне и меривший меня взглядом.

Я помахал рукой.

- Привет!

Он оглянулся и приподнял брови. Он был высокого роста, красавец с мужественным квадратным подбородком.

- Здравствуйте. Вы Джордж?

- Нет, сэр. Меня зовут Бен.

Он поднял лук и навел его на мишень.

- Жаль.

- Почему?

Он натянул тетиву и, целясь, ответил:

- Меня наняли два типа для полета в горы Сан-Хуан. Задача - приземлиться на короткой полосе около Орея. - Он выпустил стрелу и прислушался к ее свисту. - Один из них назвался Джорджем. Я думал, это вы. - Он вложил в лук новую стрелу.

Я встал рядом с ним и посмотрел на мишень. Кучность попаданий свидетельствовала о том, что он опытный лучник.

- Вижу, вы в этом деле не новичок, - сказал я с улыбкой.

Он засмеялся, опять натянул тетиву, сделал короткий выдох и ответил:

- Занимаюсь этим от скуки, когда дожидаясь клиентов. - Стрела вонзилась в мишень рядом с первыми двумя. Он положил лук на сиденье в самолете, и мы

вместе направились к мишени.

Он вытащил стрелы.

– Некоторые уходят на покой, чтобы гонять мячик по лужайке дорожкой железной закорючкой. – Он улыбнулся. – А я занимаюсь охотой и рыбалкой.

Я оглянулся на его самолет.

– Есть смысл уговаривать вас улететь сегодня отсюда со мной?

Он насупился.

– Убегаете от слуг закона?

Я с улыбкой покачал головой.

– Нет, просто мечтаю попасть домой, пока не разразилась буря.

Он посмотрел на часы.

– Я собирался закрыть лавочку, вернуться домой и завалиться спать к жене под бочок. – Он заметил у меня на пальце обручальное кольцо. – Наверное, вы тоже. – Он показал в широкой улыбке белые зубы. – Но жены у нас разные. – Его смех внушал надежду.

– Угадали.

Он кивнул.

– Где ваш дом?

– Флорида. Я подумал: если обогнать бурю, то можно еще успеть на ночной рейс из Денвера или хотя бы на первый утренний. – Я выдержал паузу. – Что, если бы вы доставили меня куда угодно, лишь бы это было восточнее Скалистых гор?

– Почему такая спешка?

– У меня в графике замена коленной чашечки и двух берцовых костей через... – Я посмотрел на часы. – Через тринадцать часов сорок три минуты.

Гровер со смехом достал из заднего кармана тряпицу и вытер с пальцев машинное масло.

– Завтра вечером вам не поздоровится.

– Замену буду производить я сам. Я хирург.

Он посмотрел через ворота ангара на аэропорт.

– Большие птахи нынче не летают?

– Все отменено. Сломался один из агрегатов для противоледной обработки самолетов.

– Это то и дело случается. Думаю, у профсоюза рыльце в пушку. Ну, а ваши операции можно и перенести. – Он пожевал губу и похлопал себя по груди. – Я сам лежал на операционном столе. Сердце пошаливает.

– Я отсутствовал неделю. Медицинская конференция. Пора назад... Я хорошо заплачу.

Он снова засунул тряпку в карман, вставил стрелы в колчан, убрал лук в футляр за сиденьем пилота и закрепил его ремнем на «липучках». Рядом с футляром помещались длинные спиннинги. Летчик любовно погладил их ладонью.

– А это что? – спросил я, трогая рукоять из орешника.

– Топорик. Я летаю в настоящие медвежьи углы. У меня есть все, что может там пригодиться. – Он поправил спальный мешок под креслом. – Все свое вожу с собой, иначе никак.

Позади кресла висела куртка, а также всевозможные причиндалы рыбака. Указывая на это богатство, он объяснил:

– Мои клиенты посещают сказочные места. Сам я не могу себе позволить там отдыхать. Они – мои благодетели. Даже жена иногда со мной летает. – Было ясно, что ему за семьдесят, но фигура у него была как у пятидесятилетнего, а душа вообще как у подростка.

– Самолет ваш?

– Мой. Это «Скаут».

– Похож на самолет Стива Фоссетта[4 - Американский бизнесмен, воздухоплаватель, яхтсмен, известен своими многочисленными путешествиями и рекордами в воздухоплавании и парусном спорте. Погиб в 2007 г., разбившись на одномоторном самолете. (Прим. перев.)].

– Один в один. Мотор «Локомэн» 0-3-60, 180 «лошадок». Максимальная скорость – 140 миль в час.

– Маловато, – сказал я, хмурясь.

– А куда торопиться. – Он погладил трехлопастный винт. – Зато этот летун способен приземляться на скорости 38 миль в час, а это значит, что я смогу посадить его на площадке размером с этот ангар.

Площадь ангара была каких-то 70 футов на 125.

– Это дает возможность рыбачить и охотиться в самых удаленных местечках. Поэтому я пользуюсь большой популярностью у своих клиентов. – Тихо посвистывая, он уставился на большие часы, считая в уме. – Даже если я доставлю вас в Денвер, вы можете не успеть выбраться оттуда до ночи.

– Я готов рискнуть. В аэропорту пугают, что из-за снегопада все полеты могут прекратиться до послезавтра.

Он кивнул.

- Вам придется раскошелиться.

- Сколько?

- Сто пятьдесят в час плюс оплата моего обратного перелета. В общей сложности девятьсот баксов.

- Вы принимаете кредитные карточки?

Он, продолжая насвистывать, зажмурил один глаз, другим пристально меня разглядывал. Похоже, он вел напряженный внутренний монолог. Наконец он утвердительно кивнул, улыбнулся уголком рта, протянул мне руку.

- Гровер Рузвельт.

Я потряс его мозолистую и твердую ладонь.

- Вы, часом, не родственник президента?

- Дальний. Но они меня не признают.

- А я Бен Пейн.

- Вы что, действительно разгуливаете в белом халате с табличкой «доктор Пейн»?

- Разгуливаю.

- И пациенты платят вам за лечение?

Я дал ему свою визитную карточку.

- Некоторых я даже кромсаю.

Внизу карточки было приписано:

Know pain? No Payne.

Know Payne? No pain[5 - Больно? Вы не знаете Пейна. Знаете Пейна? Вам не больно. Pain (англ.) – боль, Payne – фамилия героя. (Прим. перев.)].

Он постучал по карточке пальцем.

– Как бы на вас не рассердился Иисус. Вы пользуетесь Его лозунгом.

– Пока что обходится без иска.

– Вы и Его оперировали?

– Разве что анонимно.

Он с усмешкой вынул из кармана рубашки трубку, зажал ее зубами, щелкнул бронзовой зажигалкой и поднес язычок пламени к табаку. Когда серединка воспламенилась, он закрыл крышечку и спрятал зажигалку в карман.

– Ортопедия, значит?

– Ортопедия. Еще неотложная помощь. Часто одно неотделимо от другого.

Он засунул руки в карманы.

– Дайте мне пятнадцать минут. Я должен позвонить жене. Скажу, что буду позже, зато, вернувшись, свожу ее в ресторан. Ну, и... – Он указал на туалет. – Надо подготовиться. – Он шагнул к телефону, бросив через плечо: – Можете сложить сзади свои вещи.

– У вас тут есть Интернет?

– Есть, пароль «Tank».

Я открыл лэптоп, подключился к сети и вошел в свою электронную почту – деловые сообщения и личные голосовые, пересылавшиеся на аккаунт в виде звуковых файлов. Я дорожил своим временем и почти на все сообщения ответил по электронке. После этого я подключил к компьютеру диктофон и отправил все, что надиктовал раньше, на адрес своей больницы. Под конец я на всякий случай скопировал еще два файла. Потом закрыл компьютер, решив, что на остальную почту отвечу в полете, а после приземления она автоматически разлетится по адресам.

Гровер появился через несколько минут. Я вдруг вспомнил про Эшли Нокс, она тоже торопилась домой.

– Сколько пассажиров вы можете взять?

– Двоих, если они не возражают против тесноты.

Я оглянулся на аэропорт.

– Подождете еще десять минут?

Пилот не возражал.

– Я как раз подготовлюсь к полету. – Он выглянул в темноту. – Только поторопитесь. Ваше окно возможностей становится все меньше.

Водитель автобуса-шаттла доставил меня обратно и, поскольку я так и остался единственным клиентом, согласился подождать еще раз. Эшли все еще стояла на тротуаре в очереди на такси, закутанная в пуховик.

– Я нанял чартер, он доставит меня в Денвер. Вдруг опережу бурю? Я вам, конечно, чужой человек, но все равно я решил сказать, что в самолете есть одно свободное место.

– Вы серьезно?

– Это займет не больше двух часов. – Я развел руками. – Понимаю, это выглядит как-то... Ну и пусть. Я сам когда-то прошел через всю эту свадебную кутерьму.

Если вы хотя бы немного походите на мою жену, то тоже не будете спать две ночи, беспокоясь, все ли готово. Это просто честное предложение одного профессионала другому. Никаких условий.

Она недоверчиво смотрела на меня.

– Вам действительно ничего от меня не нужно? – Она оглядела меня с ног до головы. – Можете мне поверить на слово... – Она покачала головой. – Я справлялась с людьми покрупнее вас.

Я покрутил на пальце обручальное кольцо.

– На задней террасе, где я пью кофе и люблюсь океаном, жена поставила три миски, хочет накормить всех помоечных котов с парковки. Теперь они каждое утро пьют вместе со мной кофе. Я придумал всем им имена и привык к их мурлыканью.

Она наморщила лоб.

– Вы сравниваете меня с уличной кошкой?

– Нет, просто я не замечал их, пока она мне их не показала и не стала их кормить. Пока не открыла мне глаза. Теперь я всюду их вижу. И на людей теперь смотрю иначе. И это очень хорошо, потому что у нас, врачей, частенько замыливается глаз. – Я помолчал. – Не хочу, чтобы вы пропустили свою свадьбу, вот и все.

Я впервые заметил, что она не стоит на месте, а подпрыгивает, как будто ногу отсидела.

– Вы согласны поделить расходы?

Я пожал плечами.

– Если вам так удобнее – пожалуйста. Приглашение остается в силе.

Она уставилась на летное поле, переминаясь с ноги на ногу.

– Утром я должна отвезти на завтрак шесть подружек невесты, потом потратить несколько часов на косметические процедуры. – Она посмотрела на мой автобус и на огни отеля в отдалении, глубоко вздохнула и улыбнулась. – Удрать отсюда уже сегодня – это... фантастика! – Она оглянулась. – Подождете три минуты?

– Конечно, хотя... – Зеленое завихрение на экране за нами сместилось к аэропорту.

– Простите, я перепила кофе. Хотела дотерпеть до отеля. Надеюсь, здесь туалет побольше, чем в самолете.

– Скорее всего, – ответил я со смехом.

Глава 3

Гловер ждал в самолете, нацепив наушники и двигая рычажки на пульте перед собой.

– Готовы?

– Гровер, это Эшли Нокс, обозреватель из Атланты. Через двое суток у нее свадьба. Я подумал, что вы не откажетесь ее подбросить.

Он помог ей подтащить багаж к самолету.

– С радостью.

Видя, что он кладет наши вещи за задним сиденьем, я не сдержал любопытства.

– Разве в хвосте нет места?

Он открыл дверцу рядом с хвостом и улыбнулся.

- Все занято. - Он ткнул пальцем в большой ярко-оранжевый прибор на аккумуляторах. - ПАП.

- Вы не врач, а говорите аббревиатурами.

- Передатчик аварийной посадки. В случае падения и давления больше тридцати фунтов этот прибор подаст аварийный сигнал на частоте 122,5. Другие самолеты будут знать, что у нас беда. Диспетчерские службы получают сигнал, поднимают в воздух пару самолетов, вычисляют наши координаты и вышлют конный отряд.

- Почему же так долго искали самолет Стива Фоссета?

- Потому что ПАП не выдерживает удара при скорости более двухсот миль в час.

- Вот оно что...

Мы залезли в самолет, он задвинул за нами дверцу и завел двигатель. Мы с Эшли надели наушники, висевшие над нашими креслами. Пилот был прав, предупреждая о тесноте в самолете.

Мы выкатились из ангара. Гровер быстро щелкал тумблерами и двигал рычагом между коленями. Я в воздухоплавании не мастак, но Гровер, по-моему, мог бы управлять этим самолетом даже во сне. На краях приборной доски мигали два прибора GPS.

Я по природе любопытен, поэтому похлопал его по плечу и указал на эти приборы.

- Почему два?

- На всякий случай.

- Какой случай?

- Говорю же - всякий!

Пока он выполнял свои предполетные манипуляции, я вызвал свою голосовую почту. Меня ждало одно сообщение. Я прижал телефон к уху.

– Это я... – Голос был совсем тихий, как будто она спала. Или плакала. Я услышал шум океана: ритмичный накат волн на берег. Значит, она вышла на веранду. – Не люблю, когда тебя нет. – Глубокий вдох, пауза. – Знаю, тебе беспокойно. Не надо. Через три месяца все будет позади, вот увидишь. Я подожду. – Она попыталась засмеяться. – Мы все дождемся. Кофе на пляже... Поторопись. Люблю тебя. Все утрясется, поверь. И ни минуты не сомневайся, не думай, что я меньше тебя люблю. Я люблю тебя так же, даже сильнее, сам знаешь. Не сердись. Мы все осилим. Я тебя люблю, люблю всем своим существом. Скорее возвращайся. Я встречу тебя на пляже.

Я выключил телефон и уставился в иллюминатор.

Гровер покосился на меня краем глаза и мягко послал рычаг вперед. Мы покатались по гудрону.

– Хотите ей перезвонить? – спросил он через плечо.

– Что?

Он показал на мой телефон.

– Хотите ей перезвонить?

– Нет. – Я махнул рукой, опустил телефон в карман и стал смотреть на сгущающиеся тучи. – Все в порядке. – Удивительно, как он умудрился что-то расслышать сквозь шум пропеллера. – У вас чертовски острый слух.

Он указал на микрофон на моих наушниках.

– Ваш микрофон передал ее голос. Это все равно что слушать ее самому. – Он кивнул в сторону Эшли. – В таком самолетике секретов не бывает.

Она с улыбкой дотронулась до своих наушников и кивнула, наблюдая, как он управляет самолетом. Он заглушил двигатель.

- Я могу подождать, если вы хотите позвонить.

Я покачал головой.

- Не надо, все в порядке.

- Центр управления, - заговорил он, - это борт один-три-восемь-браво, прошу разрешения на взлет.

Через несколько секунд у нас в наушниках прозвучало:

- Один-три-восемь-браво, взлет разрешаем.

Я указал на прибор GPS.

- Он показывает данные метео-РЛС?

Гровер нажал какую-то кнопку, и на дисплее появилось нечто, похожее на изображение на экране в аэропорту: зеленый сгусток перемещался слева направо, надвигаясь на нас.

- Впечатляет! - сказал Гровер. - В этой зеленой сопле куча снегу.

Еще две минуты - и мы взмыли в небо. Он обратился к нам обоим в микрофон:

- Мы поднимемся на высоту двенадцати тысяч футов и пролетим примерно пятьдесят миль на юго-восток, поперек долины Сан-Хуан, к озеру Строберри. Как только оно покажется, повернем на северо-восток, пролетим над пустыней Хай Юинтас и окажемся над Денвером. Полет продлится около двух часов. Можете расслабиться и даже перемещаться по кабине. Сейчас вам предложат ужин и выбор развлечений.

Сардинам в банке и то было бы просторнее, чем нам!

Гровер достал из кармашка на дверце два пакетика с жареным миндалем, передал нам через плечо и замурлыкал «Я улечу...»[6 - Песня американской

скрипачки и исполнительницы в стиле кантри Элисон Краусс.]. Потом прервался на полуслове.

- Бен!

- Что?

- Ты давно женат?

- На этой неделе исполняется пятнадцать лет.

- Скажите правду, вы все еще на седьмом небе или так, ни шатко ни валко? - пискнула Эшли.

Я почувствовал, что вопрос задан не просто так. Гровер хохотнул.

- Вот я уже полвека женат, и, поверьте, становится только лучше. Уж точно не хуже. Не скучно. Я люблю ее сильнее, чем в день свадьбы, а ведь тогда, в июльский день, когда по моей спине лился пот, я думал, что такое абсолютно невозможно.

Эшли посмотрела на меня.

- Как собираетесь праздновать?

- Хотел подарить цветы, откупорить шампанское, полюбоваться волнами, накатывающимися на песок.

- Вы все еще дарите ей цветы?

- Каждую неделю.

Она отвернулась, опустила голову, приподняла одну бровь, скривила губы - все это делают женщины, когда не верят ни единому вашему слову.

- Вы каждую неделю преподнесите жене цветы?

– Ага.

– Молодец! – вмешался Гровер.

В ней проснулся журналист.

– А какие цветы любит ваша жена?

– Орхидеи в горшочках. Только они не всегда цветут, поэтому если я не могу найти орхидею, то иду в лавку недалеко от больницы и выбираю то, что цветет.

– Seriously?

– Вполне.

– Что она делает со всеми этими орхидеями? – Она покачала головой. – Только не говорите, что вы их потом выбрасываете.

– Я построил ей теплицу.

Ее бровь снова поползла на лоб.

– Теплицу?

– Ага.

– Сколько же у вас набралось орхидей?

Я пожал плечами.

– В последний раз я насчитал 257.

– Настоящий романтик! – засмеялся Гровер. – А как вы познакомились со своим женихом, Эшли?

- В зале суда. Я писала статью о бракоразводном процессе одной знаменитой пары. Он был адвокатом одной из сторон. Я взяла у него интервью, и он пригласил меня поужинать.

- Отлично! Что вы планируете на медовый месяц?

- Две недели в Италии. Начнем в Венеции и закончим во Флоренции.

Самолет провалился в воздушную яму.

Настала ее очередь расспросить Гровера.

- Простите за любопытство, мистер... - Она щелкнула пальцами, он махнул рукой.

- Зовите меня просто Гровер.

- Сколько часов вы провели в воздухе за свою жизнь?

Он завалил самолет на правое крыло, потом принял рычаг на себя, взмыв вверх. Меня чуть не стошнило.

- Вы хотите знать, смогу ли я доставить вас в Денвер, чтобы вы не опоздали на свою свадьбу, и притом не врезаться в гору?

- Что-то в этом роде.

Он поворачивал штурвалом, и самолет покачал крыльями.

- Военную службу учитывать?

Я от страха вцепилась в перекладину у себя над головой. Эшли сделала то же самое.

- Не учитывать, - ответила она.

Он выправил самолет и ответил:

- Примерно пятнадцать тысяч.

Она перевела дух.

- А вместе со службой?

- Тогда больше двадцати тысяч.

Я тоже выдохнул и опустил руку. Костяшки пальцев побелели, ладонь горела огнем. Он обратился к нам обоим, и я почувствовал в его голосе ухмылку:

- Ну как, полегчало?

Песик Гровера выбрался из-под сиденья, залез к нему на колени, привстал и устался через его плечо на нас, шумно сопя и подергиваясь, совсем как белка на стероидах. Туловище у него было, как одна толстая рифленая мышца, лапки коротенькие, дюйма три-четыре – можно было подумать, что их обрубили в коленях. Он явно чувствовал себя здесь хозяином, все его поведение говорило о том, что он считает кабину своей конурой.

- Познакомьтесь, это Тэнк, – обратился к нам Гровер. – Мой второй пилот.

- А у него какой налет часов? – поинтересовался я.

Гровер немного помолчал и ответил:

- Где-то между тремя и четырьмя тысячами.

Второй пилот, утратив к нам интерес, некоторое время смотрел в лобовое стекло, потом спрыгнул с колен своего хозяина и вернулся на свое место под сиденьем.

Я подался вперед и стал рассматривать руки Гровера. Они были грубые, мясистые, с сухой кожей и раздутыми суставами. Тонкое обручальное кольцо

сползло к основанию пальца, но преодолеть сустав оно без помощи мыла вряд ли смогло бы.

- Долго нам еще лететь?

Он достал из нагрудного кармана часы и щелчком откинул крышку. Под ней оказалась фотография женщины. Потом он глянул на свои приборы. Датчик GPS показывал примерное время прибытия, но он, кажется, не очень ему доверял. Захлопнув часы, он ответил:

- Учитывая встречный ветер, часа два.

Фотография под крышкой часов была покореженная, но я успел оценить красоту женщины.

- У вас есть дети?

- Пятеро. И тринадцать внуков.

- Вы не теряли времени зря! - со смехом заметила Эшли.

- Было дело... - Он улыбнулся. - Трое мальчишек, две девчонки. Младший, наверное, постарше вас. - Он глянул через плечо. - Сколько вам лет, Бен?

- Тридцать девять.

- А вам, Эшли?

- Разве вы не знаете, что женщину нельзя спрашивать про возраст?

- Технически мне нельзя было сажать на заднее сиденье двоих, но я человек старых правил, условности никогда меня не останавливали, а вам там, как я погляжу, хорошо.

Я похлопал его по плечу.

- Какая разница – один или двое?

- Федеральное авиационное агентство постановило, что у меня на заднем сиденье может находиться только один пассажир.

Эшли с улыбкой подняла палец.

- Значит, я вне закона?

- Надо еще разобраться, что такое закон, – бросил он.

Она посмотрела в иллюминатор.

- Куда мы отправимся после приземления – в терминал или в тюрьму?

- Вообще-то они не в курсе, что вы летите в этом самолете, и не собираются вас арестовывать. Но в случае чего я скажу им, что вы меня похитили и что я хочу подать на вас в суд.

- Теперь мне спокойнее, – сказала Эшли, косясь на меня.

- Этот самолет предназначен для низкого и неспешного перемещения в воздухе, – продолжил он. – Поэтому я лечу по правилам визуального полета.

- Как это понимать? – спросил я.

- А так и понимать, что я не должен подавать плана полета, если намерен лететь по визуальным ориентирам. Что я и делаю. Так что власти на нас покушаться не должны. И так? – Он откинул голову, глядя на Эшли. – Сколько вам лет?

- Тридцать четыре.

Он посмотрел на свою приборную панель, потом на один из приборов GPS и покачал головой.

– Нас сносит ветром. А все эта буря! Хорошо, что я знаю, куда лететь, иначе мы сбились бы с курса. – Он усмехнулся. – Какие же вы оба молоденькие! Вся жизнь впереди. Много бы я отдал, чтобы вернуться в молодость, но только с теми знаниями, которые теперь у меня есть!

Мы с Эшли притихли. У нее изменилось настроение: теперь она сидела задумчивая, забыв, что ей положено очаровывать мужчин. Мне было не по себе, ведь это из-за меня она попала в трудное положение. Гровер угадал наше состояние.

– Да не переживайте вы! Закон действует только в том случае, если вас поймут, но этого не случится. Еще пара часиков – и вы будете на земле, а потом отправитесь на все четыре стороны. – Он откашлялся и продолжил смеяться.

Через плексиглас над моей головой проглянуло ночное небо. Звезды были совсем рядом – только руку протяни.

– Значит, так, – опять подал голос Гровер и, проверив показания приборов, кашлянул. Когда он кашлянул во второй раз, я напряг слух. – Во-первых, мы пытаемся обогнать бурю – она у нас слева. Во-вторых, нас сносит ветром. В-третьих, нам на руку попутный ветер, а в-четвертых, у меня нет кислородных баллонов. Вывод: мы не должны подниматься выше 15 тысяч футов, иначе вы приземлитесь с головной болью.

– Сдается мне, это еще не главный вывод, – сказала Эшли.

– А вот и главный: держитесь, впереди пустыня Хай-Уинтас.

– Что впереди?

– Пустыня Хай-Уинтас. Так называется самая широкая в поперечнике, с востока на запад, горная гряда континента, 1,3 миллиона акров полного безлюдья. За зиму здесь выпадает пятьсот-семьсот дюймов снега, а на высокогорье и того больше. Озер здесь больше семисот, так что рыбалка и охота в этих местах просто нереальные!

- Действительно, глушь!

- Видели фильм «Иеремия Джонсон»? [7 - Американский кинофильм режиссёра Сидни Поллака, вышедший на экраны в 1972 году. Сценарий фильма основан на романе Вардуса Фишера «Человек гор» («Mountain Man») и рассказе Рэймонда У. Торпа и Роберта Банкера «Убийца кроу» («Crow Killer»). В главных ролях - Роберт Редфорд, Уилл Гир.]

- Один из моих любимых!

Он указал вниз и расплылся в блаженной улыбке.

- Его снимали здесь.

- Вы шутите?

- И не думаю!

Нас трясло все сильнее, к горлу подкатывала тошнота.

- Гровер, знаете, есть такие аттракционы: вам кажется, что вы куда-то несетесь, хотя на самом деле вы торчите на месте?

Он сдвинул рычаг к левому колену.

- Знаю.

- Я прозвал их «рвотные кометы». У нас будет что-то вроде этого?

- Ничего похожего. Скорее «русские горки». Приятно и нестрашно. Вам понравится.

Он стал смотреть в иллюминатор, мы тоже. Песик опять запрыгнул к нему на колени.

- Посередине – лесной заказник, сюда запрещен въезд транспорта. Такую глушь на планете еще поискать! Скорее Марс, а не Земля! Попасты сюда трудно, выбраться – еще труднее. Если вы ограбили банк и скрываетесь, то вам сюда.

- Вы знаете это по собственному опыту? – спросила Эшли со смехом.

Гровер хохотнул и закашлялся.

- Пятая поправка к Конституции: против себя не свидетельствую.

Под нами простиралась непролазная чаща.

- Гровер?

- Чего?

- Какая дальность видимости по курсу?

- Миль семьдесят, наверное.

И нигде ни единого огонька!

- Сколько раз вы здесь летали?

- Раз сто, а то и больше, – ответил он, склонив голову набок.

- Выходит, вы могли бы лететь здесь с закрытыми глазами?

- Не исключено.

- Если мы приблизимся к снежным вершинам под нами, они могут поцарапать нам брюхо.

- Еще чего! – Я понял, что он нас дразнит. – Тут все сто футов! Но вам лучше туда не смотреть, а то елки уколят ваши задницы!

Эшли засмеялась. Гровер достал из нагрудного кармана упаковку леденцов «Тамс», бросил в рот пару конфеток, пожевал, покашлял, постучал себя по груди, прикрыл ладонью микрофон и рыгнул. Я похлопал его по плечу.

– Насчет вашего пошаливающего сердца: давно вы кашляете и жуετε нейтрализаторы кислотности?

Он потянул рычаг на себя, задрал нос самолета, и мы набрали высоту, чтобы пролететь над плато и очутиться между двумя горами. Слева засияла луна, озарив мир, окутанный белым саваном. Он немного помолчал, глядя по сторонам.

– Красиво, да?

– Нереально красиво, – ответила за нас обеих Эшли.

– Док, – обратился Гровер ко мне, – на прошлой неделе я был у кардиолога. Это он посоветовал мне снижать кислотность.

– Вы жаловались ему на кашель?

– Да, поэтому жена меня к нему и погнала.

– Как кардиограмма?

– Все чисто.

– Все-таки сходите к кардиологу еще раз. Возможно, вы здоровы, но мало ли что?

– Думаете, надо?

– Думаю, будет нелишне.

Он кивнул.

– Я живу по двум простым правилам. Правило первое: я доверяю своему умению и умениям другим людей.

– Значит, пойдете?

– Завтра вряд ли получится, скорее, во второй половине недели. Я не опоздаю?

– Главное, чтобы уже на этой неделе. Обещаете?

– Расскажите о своей жене, – перебила нас Эшли.

Мы летели над самыми вершинами. Гровер немного помолчал, потом негромко заговорил:

– Девушка со Среднего Запада. Вышла за меня, когда у меня ничего за душой не было, только любовь, мечты, страсть. Родила мне детей, поддерживала, когда я все терял, верила, когда я обещал, что все наладится. Не обижайтесь, но она – красивейшая женщина на свете.

– Какие могут быть обиды! Лучше дайте совет невесте, которой остается двое суток до венчания.

– Когда я просыпаюсь утром, она держит меня за руку. Я варю кофе, потом мы пьем его вместе, соприкасаясь коленями.

Гровер любил поговорить, и мы ему не мешали. Собственно, у нас не было выбора. Он не торопился.

– Не хочу сказать, что у вас обязательно должно быть то же самое. – Он пожал плечами. – Хотя, может, когда-нибудь и будет... Мы давно вместе, многое повидали, через многое прошли, но чем сильнее любишь кого-то, тем лучше тебе самому. Может, вы считаете, что старику вроде меня все равно, когда она идет по спальне во фланелевой сорочке, но это не так. – Он усмехнулся. – И ей тоже. Может, она уже не такая бойкая, как в двадцать лет, может, у нее уже свисает кожа под мышками и на ягодицах. Может, появились морщины, которые саму ее печалют, может, веки отяжелели, а нижнее белье стало больше размером. Возможно, все так и есть, но и сам я уже не такой, как на наших свадебных

фотографиях. Я теперь седое, морщинистое, медлительное, поблекшее от солнца подобие того паренька, который когда-то женился на женщине, которая ему подходит. Я – половинка единого целого.

– Кто из вас лучшая часть? – не унималась Эшли.

– Когда она смеется, я улыбаюсь. Когда она плачет, я тоже не могу сдержать слез. Ни на что бы это не променял.

Самолет завибрировал, когда мы, перевалив через горы, оказались над долиной. Гровер указал на экран GPS, потом ткнул пальцем в иллюминатор, повел рукой.

– Здесь, внизу, мы провели наш медовый месяц. Гейл любит природу. Мы каждый год сюда возвращаемся. – Он усмехнулся. – Теперь у нас есть домик на колесах, в нем одеяла с подогревом, электрическая кофеварка... Все тяготы остались в далеком прошлом.

Он поерзал в кресле.

– Вы просили у меня совета. Я скажу вам то же самое, что говорил собственным дочерям, когда они собирались выходить замуж. Выходите за того, кто проживет с вами следующие пятьдесят-шестьдесят лет. Кто будет открывать вам дверь, держать вас за руку, варить вам кофе, втирать мазь в трещины у вас на пятках, водрузит вас на пьедестал, где вам самое место. Он женится на вашем лице и на ваших белокурых волосах или будет по-прежнему вас любить, как бы вы ни выглядели через пятьдесят лет?

Воцарилось молчание. Я решил его нарушить.

– Гровер, вы изменили своему призванию!

Он причмокнул и проверил показания приборов.

– Вы о чем?

– Доктор Фил нервно курит в сторонке[8 - Филлип Макгроу – американский психолог, писатель, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил». (Прим.

перев.)].

Это его рассмешило.

– Вы двое пришли сегодня ко мне в ангар и увидели желто-синий самолетик и пилота – потрепанного старикана со старческими пятнами на руках и со злобной собачонкой у ног. Вам приспичило в Денвер, чтобы поскорее вернуться к своим упорядоченным, занятым жизням, к электронной почте, ко всяким голосовым и текстовым сообщениям. – Он покачал головой. – Я предоставил вам капсулу, чтобы воспарить над земными проблемами и получить перспективу, недоступную внизу. Отсюда лучше видно.

Он указал на подлунный пейзаж внизу.

– Все мы смотрим на жизнь через грязные, затуманенные, поцарапанные, а то и разбитые линзы. Вот это, – он схватил свой рычаг, – позволяет отлипнуть от линз и на короткое мгновение увидеть все, как оно есть на самом деле.

– Поэтому вы любите летать? – тихо спросила Эшли.

Он утвердительно кивнул.

– Иногда мы с Гейл взлетаем в небеса и проводим среди облаков два-три часа. Мы молчим, потому что не испытываем потребности в разговорах. Зачем наполнять эфир дурацкими помехами? Она просто сидит здесь, положив руку мне на плечо, и мы несемся над землей. После приземления мир опять кажется нам нормальным.

Несколько минут мы втроем молчали. Потом Гровер кашлянул, издал протяжный хрип, схватился за грудь, наклонился вперед, сорвал с головы наушники и ткнулся лбом в стекло. Потом его спина выгнулась, он схватился за ворот рубашки и стал стягивать ее через голову, обрывая пуговицы. При этом он налег на рычаг, сдвинув его право, и самолет развернулся крыльями под прямым углом к земле.

Перед нами громоздилась гора. Ощущение было такое, будто мы – крошка, падающая со стола. Перед самым ударом Гровер умудрился выправить самолет,

дернув рычаг назад. Мотор начал терять обороты, скорость упала почти до нуля, и я услышал, как верхушки деревьев царапают нам днище.

А потом, словно он делал это уже тысячу раз, Гровер положил самолет на горный склон.

Сначала со скалой соприкоснулось брюхо, потом левое крыло, в котором что-то хрустнуло и сломалось. Тяжесть правого крыла швырнула самолет на другой бок, послужив нам якорем. Гровер уже успел заглушить мотор. Последнее, что я помню, – вращение, кувыркание, отрыв хвоста, громкий хруст, крик Эшли, лай летящей по кабине собаки. Мне запорошило снегом лицо, в уши ворвался треск ломающихся ветвей.

Еще в мозгу отпечатался тугий зеленый завиток, скользящий по голубому монитору прибора GSP.

Глава 4

Познакомившись с Эшли, которая напомнила мне тебя, я начал вспоминать день нашего с тобой знакомства.

Дело было после уроков. Я стоял на беговой дорожке. Тогда мне было гораздо теплее, чем сейчас. У нас были забеги на четверть километра. Смотрю – возвращается команда, совершившая кросс по пересеченной местности. То есть до самой команды, плотной группы, было еще метров семьсот, но вперед вырвалась одна девчонка.

Ты.

Ты не бежала, а плыла, едва прикасаясь к траве. Поразительная согласованность движений рук и ног, как будто сверху тобой управлял невидимый кукольник. Я уже видел, как ты бегаешь кроссы. Ходили слухи, что большое расстояние – твой конек. Твои волосы были коротко подстрижены, как у Джулии Эндрюс в «Звуках музыки»[9 - Американский мюзикл (1965 г.) режиссера Роберта Уайза. В главных ролях – Джулия Эндрюс и Кристофер Пламмер.]. Ты без

труда перепрыгнула через скамейку, потом через высокий барьер неподалеку от меня. У тебя было поставленное дыхание: глубокое, ритмичное. Взлетев над барьером, ты стрельнула в меня глазами. Ослепительные белки и яшмовые изумруды посередине.

От зрелища твоих раскинутых рук и растопыренных пальцев у меня по животу и по ногам заструился пот. Я услышал собственный голос (я сказал что-то вроде «вот это да!»), а потом я зацепился за барьер и шлепнулся на дорожку. На какую-то долю секунды ты потеряла свою сосредоточенность. Или сделала это специально. Уголок твоего рта пополз вверх, глаза вспыхнули. Потом твои ноги вернулись на землю, изумруды исчезли, сменившись белками, и ты убежала.

Я проводил тебя взглядом. Чаще ты не огибала преграды, а перелетала через них. Земля вздымалась и опадала под тобой, почти не влияя на твои движения вверх и вниз. Ты была сфокусирована, как лазерный луч, но твое лицо не участвовало в фокусировке, жило как будто собственной жизнью. Наверное, я повторил свое «вот это да!», потому что мой товарищ по команде Скотт шлепнул меня по затылку.

«Даже не думай!»

«Что?..»

«Рейчел Хант. Она занята, тебе не светит».

«Почему?»

«Два слова. – Он показал два пальца. – Нейт Келси».

Мне пришлось отвести от тебя взгляд. Перед моим мысленным взглядом возник Нейт – полузащитник футбольной команды с короткой мощной шеей, три года подряд удерживавший рекорд штата по жиму штанги лежа на скамье. Ты тем временем покинула поле и скрылась в женской раздевалке.

«Это мы еще посмотрим», – отважно заявил я.

Скотт отвесил мне еще один подзатыльник.

«Парень, тебе нужен санитар».

Как же он был прав!

Жена тренера, работавшая в кабинете декана, всегда старалась мне помочь. Я попросил у нее твое расписание занятий, и она с радостью его распечатала. Вскоре у меня обнаружилось неутолимое желание поменять факультатив. Мой консультант остался равнодушен.

«Какой предмет ты выбрал?»

«Латынь».

«Почему?»

«Мне нравится, когда люди говорят на латыни».

«Люди не говорят на латыни со времен крушения Римской империи».

«Крушение Римской империи?»

Он сохранил невозмутимость.

«Бен...»

«И напрасно. Пора возрождать латынь».

Он покачал головой.

«Как ее зовут?»

«Рейчел Хант».

Он подписал мою заявку и улыбнулся.

«Так бы сразу и сказал».

«В следующий раз так и сделаю».

«Удачи. Она тебе пригодится».

«Спасибо».

Он наклонился над столом.

«У тебя есть медицинская страховка?»

«Есть, а что?»

«Ты видел ее парня?»

Я специально пришел в класс пораньше, чтобы посмотреть, как тыходишь. Если бы я не сидел, у меня бы подкосились ноги. Ты посмотрела на меня, улыбнулась и пошла прямо ко мне. Положила свои книги на парту слева от меня. Потом повернулась, наклонила голову, улыбнулась и протянула руку.

«Я Рейчел».

«Привет». – Что с того, что я немного заикался?

Помню, глядя тебе в глаза, я думал, что никогда не видел такого зеленого цвета. Огромные, круглые. Они напомнили мне глаза змеи из «Книги джунглей», вечно всех гипнотизировавшей.

«А ты Бен Пейн», – сказала ты.

У меня отвалилась челюсть, и я растерянно кивнул. В коридоре кто-то из моей команды хлопнул себя по коленке, подняв меня на смех.

«Ты меня знаешь?»

«Тебя все знают».

«Неужели?»

«Конечно, ты же так быстро бегаешь!»

Выходило, мне было за что благодарить своего папашу!

Ты улыбнулась, хотела как будто сказать еще что-то, но покачала головой и отвернулась.

Возможно, я был немножко застенчив.

«Что?..»

Ты глянула на меня искоса, пряча улыбку.

«Тебе говорили, что у тебя приятный голос?»

Моя рука потянулась к горлу, голос повысился сразу на восемь октав.

«Нет... – Я откашлялся. – Ну, то есть... Нет, не говорили», – закончил я почти басом.

Ты открыла тетрадь и стала ее листать, закинув ногу на ногу.

«Напрасно. Он... он теплый».

«О!..»

Остаток года мы провели «друзьями», потому что мне не хватало духу пригласить тебя на свидание. К тому же Человек-без-шеи мог переломить меня надвое – правда, сначала ему пришлось бы меня поймать.

Однажды – дело было в седьмом классе – я пришел в школу за полчаса до первого звонка, и мы с тобой столкнулись, когда ты выходила из девчачьей

раздевалки с мокрыми после душа волосами.

Ты прищурилась, на переносице образовалась глубокая борозда.

«Ты в порядке?»

В твоих глазах блеснули слезы, ты отвернулась и заторопилась к выходу. Ты убежала из школы, сжав кулаки.

Нет!

Я выхватил у тебя рюкзак, и мы вышли вместе, делая вид, будто не понимаем, что происходит.

«Что не так?» – спросил я напрямик.

«У меня никак не получается ускориться», – зло ответила ты.

«Хочешь, помогу?»

Ты наморщила носик.

«А ты сможешь?»

«Представь себе, смогу. Мне так кажется. – Я указал на будку тренера по кроссу. – А вот он точно не сможет, а то бы уже все тебе подсказал».

Я тебя не убедил.

«Ты видишь что-то, чего не видит он?»

Я кивнул. Ты остановилась и раскинула руки.

«Ну так что?»

«Как ты двигаешь руками. Слишком много боковых движений, а вперед – маловато. Ну, и... – Я указал на твою бедренную сгибающую мышцу. – Вот тут у тебя скованность. Шаг коротковат. Ноги у тебя быстрые, но при каждом шаге надо бы покрывать большее расстояние. Не хватает пары дюймов».

Ты поджала губы, как будто я намекнул на твою полноту.

«Неужели?»

Я молча кивнул. Я уже озирался через плечо – вдруг появится твой ухажер? Насколько я помнил, это был самый долгий наш разговор с глазу на глаз у всех на виду.

Ты уперлась руками в бока.

«Ты сможешь это исправить?»

«Не то чтобы исправить... Тебе самой придется это сделать. Но я бы мог бежать рядом и помогать, чтобы ты посмотрела на себя как будто со стороны. Вдруг я помогу тебе найти ритм, при котором удлинится твой шаг? Это как при беге по тротуару – ты сам решаешь: наступать на трещину в асфальте или не наступать. Когда бежишь с партнером, у которого шаг длиннее, то обязательно стараешься под него подстроиться. В общем, твой шаг меняется помимо твоей воли».

«Ты бы за это взялся?»

«А как же! Кто бы отказался?»

Ты сложила руки на груди.

«Где ты раньше был? Раньше ты не обращал на меня внимания».

Я по-прежнему продолжал озираться. Мне казалось, что штангист дышит мне в затылок.

«А как же номер пятьдесят четыре? Парень без шеи?»

«Если ты не в курсе, Эйнштейн, мы не встречаемся с прошлого года!»

«Вот оно что!» – Я почесал затылок, а ты покачала головой.

«Там ты, может, и молодец, – ты указала на беговую дорожку, – но вообще-то я могу нарезать вокруг тебя круги».

Ты занимаешься этим до сих пор.

Глава 5

Было темно, боль усиливалась. Я нажал подсветку на своих часах. 4.47 утра. После падения прошло часов шесть. До рассвета оставалось еще два часа. Возможно, на этой высоте светает раньше. Но при таком холоде существовала опасность не протянуть и пятнадцати минут. Меня так трясло, что громко лязгали зубы. Гровер был покрыт слоем снега в четыре дюйма.

Я так и остался пристегнутым, у кресла подо мной сломался шарнир.

Эшли лежала слева от меня. Я потрогал ее шею, сонную артерию. Пульс был учащенный, но она лежала тихо. В темноте я не мог ее разглядеть. На ощупь я определил, что нас засыпало снегом и битым стеклом. Справа от себя я увидел спальный мешок, прикрепленный к креслу Гровера снизу. Я потянул за ляжку и вытащил мешок. Расстегнув молнию, я кое-как накрыл им Эшли и себя.

Я едва мог двигаться из-за боли в грудной клетке, не позволявшей вздохнуть. Я тщательно накрыл Эшли спальным мешком, засунув внутрь ее ноги. Неестественный изгиб ее колена не сулил ничего хорошего. Собаке тоже хотелось тепла. Я снова нажал подсветку: 5.59. Свет был зеленоватый, цифры на циферблате черные, то и другое я мог разглядеть с большим трудом. В нескольких футах от меня торчал облепленный снегом пропеллер с обломанным винтом.

Рассвело. Меня разбудил пес: он стоял на моей груди и лизал мне нос. Небо было серое, по-прежнему шел снег. В нескольких футах от меня высился холмик – это был Гровер, усыпанный слоем снега толщиной уже в добрый фут. Мой взгляд остановился на зеленой еловой ветке. Я засунул руки под мышки. Пуховой спальный мешок был и благом, и опасностью. Под ним было тепло – это был плюс, потому что тепло ускоряет кровоток и препятствует наступлению смерти от переохлаждения. Но из-за кровотока я мучился от боли в ребрах.

Эшли по-прежнему лежала рядом со мной, безмолвная и неподвижная. Я снова потрогал ее шею. Пульс хорошо прощупывался, хотя был уже не таким ускоренным. Организм сжег адреналин, хлынувший в организм при катастрофе.

Я сел и попытался ее осмотреть. Распухшее лицо было в запекшейся крови из-за порезов на лбу и на макушке. Я провел рукой по ее плечу. Ощущение было такое, будто к ней в пуховик засунули пустой носок: плечо было вывихнуто и свисало из суставной сумки.

Я вцепился в ее рукав и потянул, чтобы сухожилия вернули кость в суставную сумку, а потом принялся за сустав. Он болтался и был перекошен, что свидетельствовало о том, что до этого вывиха случались и другие. Но я вернул его на положенное место. Плечи легко встают на свои места, главное, придать им нужное направление.

Не раздевая ее и не разговаривая с девушкой, я не мог определить, повреждены ли у нее внутренние органы. Я провел ладонью по ее бедрам – упругим, худым, мускулистым. Правая нога ниже колена была в порядке, в отличие от левой.

Левая бедренная кость сломалась при ударе самолета о скалу. Было понятно, почему она кричала. Бедро сильно распухло, раза в два превзойдя нормальный объем, штанина на нем натянулась. К счастью, кость не порвала кожу.

Я знал, что должен вправить перелом, прежде чем она очнется, но для этого мне требовалось пространство. Пока что я чувствовал себя как в капсуле магнитно-резонансной томографии: буквально не повернуться. Оглядевшись, я понял, что мы находимся в снежной лунке, вырытой фюзеляжем самолета. В некотором смысле это было неплохо.

Столкновение самолета со скалой создало огромный сугроб, в котором мы утонули. Получился снежный кокон; звучит страшновато, зато в коконе сохранялась температура градуса в 2 мороза – все лучше, чем снаружи. Не говоря о том, что до нас не мог добраться ледяной ветер. Свет проникал главным образом через плексигласовый «фонарь»: его тоже запорошило снегом, тем не менее света хватало, чтобы я мог приступить к работе.

Пока я разрывал снег, чтобы заняться ногой Эшли, песик скулил и крутился на одном месте. Потом он залез Гроверу на колени и стал слизывать с его лица снег – вознамерился выяснить, когда самолет наконец взлетит. Я принялся за снег голыми пальцами, и уже спустя минуту руки замерзли. Я понял, что еще немного – и мои руки станут непригодными ни для какой работы. Тогда, немного порывшись рядом с Гровером, я достал из кармашка на дверце самолета дощечку с зажимом, выбросил бумаги и использовал дощечку в качестве лопаты. Работа шла медленно, но в конце концов я вырыл в снегу яму, или полку, на которую можно было уложить Эшли. Так у меня появлялся доступ к ее левой ноге.

Я стащил с нее спальный мешок, выстелил им дно ямы и стал медленно стаскивать ее с сиденья. От напряжения я выбился из сил и привалился к креслу Гровера, чтобы отдышаться. Дыхание у меня было прерывистое и мелкое – дышать полной грудью не позволяла боль.

Песик обежал меня, прыгнул мне на колени и начал лизать мое лицо.

– Брось, дружок, – сказал я ему. Я забыл его кличку.

Прошло не меньше получаса, прежде чем я собрался с силами, чтобы взяться за ногу Эшли.

Сначала я с ней заговорил, но она не ответила. Тем лучше: то, что я собрался сделать, должно было причинить ей больше боли, чем сам момент перелома.

Я снял с себя ремень, обмотал ей лодыжку, а себе запястье, чтобы было за что тянуть. Потом снял левый ботинок и аккуратно поставил левую ногу в ее промежность, выпрямил ногу, усилив нажим, затем натянул ремень и взял обеими руками ее ступню. Четыре-пять глубоких вдохов. Внезапно она дотронулась до моей ноги. Я поднял голову и увидел, что она приоткрыла один

глаз. Похлопав меня по ноге, она пробормотала:

- Тяните сильнее...

Я стал тянуть, упираясь ногой и выгибая спину. От боли она откинула голову, застонала и опять лишилась чувств. Ее нога дернулась, я повернул ее, позволил выпрямиться, потом отпустил. От этого нога приняла естественное положение, совсем как правая.

Существует два главных принципа лечения сломанной ноги: сначала надо вправить кость, а потом закрепить правильное положение для срастания. То и другое – сложная задача.

Вправив кость, я стал искать, чем бы зафиксировать ногу. Над головой у меня торчали две искривившиеся стойки крыла, длиной в три фута каждая и толщиной с мой указательный палец; обе переломились надвое, когда левое крыло при ударе оторвалось от фюзеляжа. Я попробовал крутить стойки, надеясь отломить от каждой по куску, и в конце концов добился своего.

Я вожу с собой в рюкзаке, который сдаю в багаж, два карманных ножа: швейцарский армейский и складной, с лезвием, которое выбрасывается от нажатия кнопки. Сейчас рюкзак лежал у меня за спиной, почти утонув в сугробе, из снега торчал только его уголок. Я смел с рюкзака снег, нащупал молнию и долго шарил внутри, пока не отыскал свои ножи.

У моего швейцарского ножа два лезвия. Малым лезвием я разрезал штанину у Эшли на бедре. Нога сильно распухла и приобрела не то синий, не то лиловый оттенок, местами даже почернела.

Ремни безопасности на обоих креслах представляли собой наплечную сбрую с пряжкой для быстрого расстегивания. Я срезал ремень с одного из кресел и с его помощью закрепил две шины, сделанные из стоек. Пряжки, несмотря на их тяжесть, позволяли затягивать и расслаблять мою конструкцию. Я закрепил их на сломанной ноге и затянул ремень, чтобы было удобно и чтобы одна пряжка находилась на бедренной артерии.

Потом я достал из рюкзака футболку, разорвал ее пополам и скатал обе половинки в трубки, которые с двух сторон подоткнул под пряжку. Это

позволяло усиливать натяжение, не сдавливая при этом артерию и не прерывая приток крови в ногу.

Под конец – все, что предстояло делать дальше, Эшли тоже не понравилось бы, начиная с этой манипуляции, – я аккуратно обложил место перелома снегом. Необходимо было снять отек, не снижая при этом температуру тела.

После этого я раскопал в рюкзаке пару кальсон из полипропилена и длинный свитер, который обычно надеваю в горах. Он старенький, зато не пропускает ветер, поэтому в нем тепло даже в сырую погоду. Я снял с Эшли куртку, пиджак, блузку, бюстгальтер и ощупал грудную клетку на предмет внутренних повреждений. Поверхностных кровоподтеков не обнаружилось. Я натянул на нее свои кальсоны и свитер; то и другое было ей сильно велико, зато в этих вещах ей было тепло и сухо. Напялил я на нее и куртку, но продевать руки в рукава не стал. Потом закутал ее в спальный мешок. Получилась мумия с торчащей в сторону левой ногой; эту ногу я приподнял и тоже укрыл.

Половину тепла наш организм теряет через голову. Я нашел свою шерстяную шапочку и нахлобучил ей на голову, закрыв уши и лоб, но не глаза: не хотел, чтобы, проснувшись, она решила, что умерла или ослепла.

Теперь, когда Эшли тепло и сухо, я вспомнил о себе: мое дыхание участилось, пульс зашкаливал, боль в груди усилилась. Я спрятал руки в карманы куртки и улегся рядом с Эшли, чтобы ее тепло распространилось и на меня. Песик тут же принялся гулять по моим ногам, покрутился в поисках собственного хвоста и наконец угнездился между нами. По его виду можно было подумать, что он поступает так не впервые. Я уставился на засыпанное снегом тело Гровера.

Когда я зажмурился, пальцы Эшли нащупали сквозь ткань куртки мою руку. Я сел и увидел, как шевелятся ее губы, но слов не разобрал. Я подвинулся к ней поближе. Ее пальцы сжали мою ладонь, губы опять зашевелились.

– Спасибо...

День. Продолжается снегопад, из моего рта идет пар. Тишина давит на уши. Можно подумать, кто-то нажатием кнопки выключил все звуки на свете.

У Эшли дела неважно. Наверное, все-таки не обошлось без внутренних повреждений. Ее ногу и плечо я более-менее привел в порядок, но все равно обе конечности надо будет просветить рентгеном, а на ноге потребуется операция. Но прежде надо отсюда выбраться. Когда я вправлял ей ногу, она отключилась. После этого она уснула. И разговаривала во сне.

У нее рваные раны на руках, на лице, на голове, но я не стал ее лишней раз тормошить. Надо будет, чтобы она проснулась и поговорила со мной, прежде чем я начну накладывать ей швы. Позади моего кресла обнаружилась куртка спиннингиста, а в ее кармане моток лески из хирургической мононити – в самый раз для этих целей.

Гровер, наш летчик, погиб. Не помню, говорил ли я уже об этом. Уже после того, как остановилось его сердце, он сумел опустить самолет на гору. Понятия не имею, как это у него получилось. Как он умудрился не угробить нас всех? Настоящий героизм!

А со мной что?

Переломы ребер – скорее всего, трех. Острая, пронизывающая боль при вдохе. Возможно, пробито одно легкое. С другой стороны, на такой высоте – более 11 тысяч футов – и со здоровыми легкими не так-то просто дышать.

Я все время думаю о том, что нас спасут, но не вижу ни одной причины, по которой мы могли бы ждать спасателей. Мы никому не говорили, что сядем в самолет. Гровер не был обязан предоставлять диспетчерам план полета. Он не докладывал, что берет пассажиров, поэтому диспетчеры не знали, что в его самолете летим мы.

Вообще-то Гровер смахивал на моего отца. Во всяком случае, в свои лучшие моменты мой отец бывал таким, как Гровер. Хотя Гровер вроде бы был подороже его.

Кто-то называл отца ничтожеством, кто-то деспотом, кто-то утверждал, что я счастливчик – с таким-то преданным отцом! Все эти знатоки не вытерпели бы в

моем доме ни дня. Мать не вытерпела. Он ее тиранил, она пристрастилась к выпивке, и он постарался обзавестись уликами о ее недееспособности, чтобы отправить ее в лечебницу. Из-за этого ее лишили материнских прав. Он редко терпел поражение. Всей истории я не знаю. Он позволял мне говорить с ней по телефону. Группа «Флитвуд Мэк» пела про «кожу и шелк». Мой папаша отграничивался кожей, шелка у нас дома не водилось, за шелком приходилось лазить в окно.

Он включал свет в 4.55 утра, и у меня было пять минут, чтобы добраться до двери – в двух футболках, шортах и кроссовках.

«Мили сами по себе не наматываются. Брысь из кровати!»

«Есть, сэр».

Чаще всего я ложился спать одетым. Помню, как ты впервые увидела это и с удивленным видом похлопала меня по плечу.

«Зачем ты все это напялил?»

Я посмотрел на часы, потом на дверь.

«Побудь тут четыре часа – сама увидишь».

Ты покачала головой.

«Нет уж, благодарю. – Обнаружив, что на мне две футболки, ты спросила: – Тебе не жарко?»

«Я привык».

Ты потянула меня за руку.

«Вставай, делаем ноги!»

До спасательной станции на берегу, потом обратно – шесть миль. Не знаю, почему он установил эту дистанцию, но что поделаешь? Он называл это моей «разминкой». Думаю, все дело было в ближней лавке, торговавшей пончиками. Обмануть его было невозможно: он приезжал в лавку, сидел там у окна, пялясь на океан, с чашкой кофе в одной руке и с пончиком в другой, одним глазом поглядывал в газету, другим на секундомер и фиксировал, сколько времени мне понадобится, чтобы дотащить до станции спасателей и дотронуться там до красного пляжного кресла. Если я прибежал на несколько секунд раньше, то он доедал свой пончик и молча провожал меня до дому. Но если я опаздывал, то он выскакивал из лавки и орал через пляж: «Недобрал семь!» Или того хуже: «Недобрал двадцать!»

Я научился мысленно считать секунды, экономить силы и при необходимости ускоряться. Вот что делает с человеком страх!

Он ждал меня на пляже у дома, там мне позволялось стянуть с себя обе футболки и начать скоростной бег. По понедельникам мы бегали двенадцать дистанций по 660 метров, по вторникам двенадцать 550-метровок, по средам двенадцать 330-метровок и так далее. Единственным моим свободным днем было воскресенье, но все удовольствие портилось из-за того, что уже завтра наступал понедельник.

Заканчивали мы прыгалками, приседаниями, отжиманиями, тяжелым атлетическим мячом и другими болезненными упражнениями – фантазия у отца была богатая. Он держал передо мной, выше коленей, бамбуковую палку.

«Выше!»

Я задираю колени, но его все равно не устраивала высота. Он качал головой и тихо говорил: «Боль – это слабость, покидающая твое тело».

Я послушно задираю колени еще выше, смотрел на пляж и думал: «Почему бы не выпустить боль из твоего тела? Мое уже истощилось».

Дом тоже был для меня болезненным местом.

К 7 часам утра я успевал пробежать от семи до десяти миль, в зависимости от дня недели. Потом я отправлялся в школу, едва не засыпал на уроках,

тренировался на беговой дорожке или с командой по кроссу – то и другое было нетрудно. Все познается в сравнении.

У отца была собственная фирма, где он тиранил полсотни трейдеров, отчитывавшихся перед ним лично; нерадивых он немилосердно увольнял. Фондовая торговля прекращалась в четыре часа дня, поэтому в 4.15 он уже объявлялся с ослабленным узлом галстука и с секундомером в руке, на глазах темные очки, лоб наморщен, и выразительно смотрел на меня через забор.

Так что преданности было хоть отбавляй.

На первом курсе я выиграл забег на 400 метров, преодолев их за 50,9 секунды, пришел первым в эстафете 4x400 и пробежал милю за 4,28. Так я стал чемпионом штата в беговом троеборье.

Отец привез меня домой, не проронив за всю дорогу ни слова. Ни тебе праздничного ужина, ни выходного, ничего. Он поставил машину и сказал: «Глазом моргнуть не успеешь, как будет пять утра. Собираешься преодолеть четырехминутный рекорд к выпускному курсу – придется попотеть».

Примерно тогда меня осенило: моя цена для отца – это мой последний показатель, а этот показатель всегда недостаточно хорош.

«Четверки» как оценки моих академических достижений не принимались, пятерка с минусом равнялась четверке с плюсом, так что у меня не было выбора – приходилось штурмовать вершины. Друзей у меня было мало: если я не на занятиях, значит, бегаю или сплю.

Так я доковылял до второго курса, побив по пути несколько рекордов штата и всей страны. Это не превращало меня в героя кампуса – в героях ходили футболисты, тем не менее у меня сложилась высокая репутация среди тех, кто следил за беговой дорожкой. К ним относились и те, кто бегал кроссы.

Например, ты.

Ты вошла в мою жизнь, наполнила ее смехом, светом, чудом. Радушием и теплом. Ты бежала бок о бок со мной, поглядывая на меня и роняя капли пота, а

мне хотелось в душ, скорее смыть с себя отца и умыться тобой.

Я такой, каким сделал меня отец. Это он меня выковал, я знаю. Но отец избавлял меня от боли через боль. Это делало меня опустошенным и больным. А ты влилась в меня и наполнила до краев. Я впервые перестал чувствовать боль.

Ты дала мне то, чего не мог дать он, – любовь без секундомера.

Глава 7

Когда я очнулся, уже стемнело. Я рассмотрел при помощи подсветки время на часах: полночь. Пролетел целый день. Потом я догадался проверить дату и не сразу сообразил, что мы проспали целых тридцать шесть часов.

На меня тарачился миллиард звезд. Они висели совсем рядом – казалось, достаточно протянуть руку, чтобы их потрогать. Зеленое завихрение унеслось прочь, оставив после себя толстое белое одеяло. Над моим плечом взошла луна, здоровенная, как рождественский пирог. Я прищурился. Если вскарабкаться на гору слева от меня, можно перейти на Луну и прогуляться по ней.

Борясь с дремотой, я мысленно составил список из двух позиций: еды и воды. То и другое требовалось нам безотлагательно. Сначала нужно было найти воду. Если организм Эшли боролся с инфекцией, то нужно было заставить работать ее почки, а для этого требовалась вода. Шок выпаривает жидкость, а я, сам того не сознавая, с момента катастрофы пребывал в шоке и жил на адреналине. Предстоящий день сулил трудности, особенно на такой высоте. Вот бы включить прибор GPS, чтобы определить наше местоположение! Ждать появления спасателей не приходилось.

Я сосредоточился на фактах. Мы никого не уведомили о своем перелете. Даже если бы кто-то узнал, что мы сели в самолет, то, согласно подсчетам самого Гровера, мы отклонились от курса миль на сто пятьдесят – спасибо ветру. Пройдет не одна неделя, прежде чем в эту глушь пожалует поисковая партия – если вообще пожалует... При поиске с воздуха летчики хорошо знают, где и что искать, значит, мы бы их увидели или услышали, но мы ничего не видели и не

слышали. Возможно, мы все проспали – это еще хуже. Единственной нашей надеждой был аварийный радиомаяк.

Наступило утро, над нами засинело небо. Я попробовал сдвинуться с места, но так одеревенел от неподвижности и боли, что даже голову не смог приподнять. Если вам довелось пережить автокатастрофу, то вы знаете, каково это. Настоящая боль – это то, что чувствуешь по прошествии двух-трех дней. Я кое-как сел и привалился к валуну, выступавшему из сугроба. Судя по его расположению, именно при ударе об него Эшли сломала ногу.

Дневной свет и некоторое прояснение в голове позволили мне понять, что произошло с самолетом и с нами. Самолет при падении врезался в припорошенный снегом склон, поросший деревьями. При этом нам оторвало левое крыло, и самолет завалился на правый бок, кончик правого крыла ткнулся в гору, и мы начали кувыркаться. Где-то на третьем или четвертом кувырке нос самолета зарылся в снег, ввинтился в него, как штопор в пробку, рядышком со скалой – той, к которой я теперь прижимался затылком. От удара об эту скалу пострадал фюзеляж и сломалась нога у Эшли. Итог – не слишком пострадавший фюзеляж, увязший в сугробе глубиной в десять футов, рядом с кривыми деревцами на склоне.

Сначала плохие новости. Заметный желто-голубой самолет Гровера оказался почти полностью проглоченным снегом, за исключением левого крыла. Иголка в стоге сена – вот какое сравнение напрашивалось. Не говоря о том, что хвост самолета при ударе о валун разлетелся на мелкие кусочки. Все, что я мог бы теперь найти, – ярко-оранжевые куски пластмассы, но не сам радиомаяк. Так что никакого сигнала на частоте 122,5, а значит, никакой триангуляции и никаких спасателей. Вот и вся неприглядная правда. Я понятия не имел, как сказать об этом Эшли.

Единственная хорошая новость, если это можно было так назвать, заключалась в том, что наша снежная «могила» хоть как-то защищала нас от стихии. Если бы не это, мы бы давно отправились на тот свет. 2 градуса мороза – чепуха по сравнению с обычным для зимнего высокогорья холодом.

Эшли спала, ее лицо пылало – видимо, жар, а значит, инфекция. То и другое было плохо, но я это предвидел. В нее обязательно нужно было влить жидкость.

Я мог передвигаться только ползком. Кое-как добравшись до своего рюкзака, я нашел горелку и набил канистру свежим снегом. Синее пламя горелки мигом растопило снег. Снег таял, я добавлял еще. То ли от гудения горелки, то ли от моей возни Эшли очнулась. Лицо у нее было распухшее, глаза превратились в щелки, нижняя губа раздулась. Теперь, на свету, я должен был постараться обработать ее порезы и зашить те, на которые обязательно нужно было наложить швы.

Я поднес к ее губам кружку теплой воды.

– Пейте.

Она послушалась. У меня был пузырек адвила. Я сам с удовольствием проглотил бы сразу таблетки четыре жаропонижающего, но знал, что в предстоящие дни они будут ей нужнее, чем мне. Поэтому я вытряс на ладонь четыре таблетки и дал ей.

– Сможете проглотить?

Она кивнула. Я положил одну таблетку ей на язык, она глотнула. Мы медленно повторили эту операцию еще три раза. Снег у нее на ноге давно растаял, поэтому нога продолжала распухать, боль становилась все сильнее. Уменьшить опухоль значило уменьшить боль. Жаропонижающее действовало изнутри, снег должен был подействовать снаружи. Я опять аккуратно обложил ее ногу снегом и пощупал на ноге пульс, чтобы удостовериться, что кровообращение не нарушено. При этом я держал кружку у губ Эшли, пока она не выпила всю воду, восемь унций. За день я должен был заставить ее выпить еще пять таких кружек. 48 унций жидкости – эта доза должна была запустить ее почки.

Я опять наполнил кружку и канистру горелки, сам тоже немного попил. Эшли старалась держать глаза открытыми, как ни трудно ей это было. Она оглядела нашу пещеру, то, что осталось от самолета, собаку, свою рваную одежду, шину на своей ноге, потом уставилась на мертвого Гровера. Через минуту она перевела взгляд с него на меня.

– Он?..

– Еще до падения самолета. Думаю, сердце. Не представляю, как ему удалось приземлиться.

Она с трудом провела пальцами по своему лицу, по голове. Выражение ее лица изменилось. Я медленно опустил ее руку.

– Мне придется наложить вам швы.

– Какое сегодня число? – хрипло спросила она.

Я кратко познакомил ее с ситуацией. Когда я замолчал, она не сказала ни слова.

Я достал из кармана куртки Гровера леску из хирургической мононити, вытащил крючок. Его необходимо было выпрямить, а для этого требовался инструмент.

Универсальный инструмент у Гровера на ремне!

Я порылся в снегу и нащупал на поясе у Гровера кожаный чехол с инструментами. Когда я щелкнул застежкой, одеревеневшее тело не шелохнулось. Нужно было его похоронить, но были дела и поважнее: наложить Эшли швы и найти еду. Гроверу придется подождать.

Я выпрямил крючок, продел нить в ушко и попытался сплющить ушко плоскогубцами. Оглянувшись на Эшли, я увидел на ее щеках слезы.

– Его жена наверняка волнуется... – пробормотала она.

Мы еще не обсуждали наше отчаянное положение. Медицина и скалолазание научили меня, что дурные обстоятельства нельзя сваливать в кучу, надо разбираться с каждым по отдельности. Сейчас нужно было заняться лицом и головой Эшли.

С помощью инструментов Гровера я вырыл в снегу еще одну лежанку, ниже той, на которой помещалась сейчас Эшли. Обычно после операции я навещаю пациента в палате и осматриваю его. Часто я ставлю рядом с койкой табурет из нержавеющей стали на колесиках, чтобы, сидя на нем, оказаться ниже пациента; он может смотреть на меня сверху вниз или прямо. Замечали, как трудно бывает

прооперированному смотреть вверх? Вот и я замечал. Врачебный такт – вторая натура. Новая снежная лежанка должна была сыграть такую же роль.

Поднялся ветер, еловая ветка царапала плексиглас. Мне удалось наконец вытянуть из рюкзака мой спальный мешок и расстелить его на снегу. Раньше у нас был один мешок на двоих, теперь у каждого появился свой.

Я поднес к губам Эшли кружку, чтобы она попила, вытер слезы с ее лица.

– Почему вы плачете?

Она посмотрела на Гровера.

– Из-за него.

– А еще?

– Мое сердце...

– Физически или эмоционально?

Она откинула голову.

– Знали бы вы, как давно я хотела выйти замуж! Предвкушала свою свадьбу, строила планы. Чуть ли не... чуть ли не всю свою жизнь.

– А еще где у вас болит?

– Всюду.

– Мне придется еще раз причинить вам боль. Надо наложить вам несколько швов.

Она кивнула.

Меня тревожили три места. Наложить два шва у нее на голове можно было сравнительно безболезненно. Вторая рана была у нее над правым глазом, посередине брови. От удара разъехался старый шрам. Я тронул кожу своим крючком и сказал:

- Здесь у вас старый шрам.

- Национальное первенство. Мне двинули исподтишка.

Я наложил первый шов и приступил ко второму.

- Вас отправили в нокаут?

- Нет, но я взбесилась.

- Что так?

- Этот тип испортил мне выпускную фотографию!

- А что вы?

- Сначала провела обратный удар с разворотом, потом двойной круговой, потом осевой. Получился «таракан».

- Таракан?

- У нас были специальные названия для положения сбитых с ног противников.

- Например? - спросил я, чтобы ее отвлечь.

- «Дельфин», «танец белого человека», «таракан» и так далее.

Я завязал третий узелок и обрезал леску.

- То, что я тут натворил, - я указал кивком на ее бровь, - сойдет до больницы. Там вами должен будет заняться пластический хирург.

- А эта двойная шина у меня на ноге? Боль адская!

- Это лучшее, что я смог сделать для вас. Без рентгена дальше никуда. Доберемся до больницы, там вам сделают снимки. Если кости не встали на место, я бы рекомендовал - уверен, они согласятся - снова сломать и кое-что вставить. Будете потом звенеть при прохождении металлодетектора в аэропорту. А так - будете как новенькая.

- Вы дважды упомянули про больницу. Думаете, нас найдут?

Мы дружно посмотрели на синее небо в отверстие между крылом и стеной снега высотой в 8 футов и увидели высоко в небе авиалайнер, высота составляла примерно 30 000 футов. После нашего падения прошло уже часов шестьдесят, а мы так и не слышали других звуков, кроме наших собственных голосов, шума ветра и скрипа ветвей. Самолет летел так высоко, что мы его не слышали, только видели - он был похож на крестик.

Я покачал головой.

- Мы его видим, а вот из него нас не видно. Все материальные свидетельства нашего исчезновения лежат под тремя футами снега. Их увидят только в июле, когда растает весь снег.

- Разве разбившиеся самолеты не подают сигналов SOS или еще каких-нибудь?

- Подают. Но наш передатчик разбился на мелкие кусочки и валяется где-то вокруг нас.

- Может, вам вылезти и помахать рубашкой?

Я фыркнул - и даже это причинило мне боль. Я схватился за бок. Ее глаза еще больше сузились.

- Что с вами?

- Перелом нескольких ребер.

- Дайте посмотреть.

Я задрал рубашку. Я не видел свой бок при дневном свете и думал, что обнаружу кровоподтек. Вся левая половина моей грудной клетки была темно-фиолетовой.

- Больно только дышать.

Мы засмеялись.

Эшли пристально смотрела на меня, пока я затягивал у нее на руке шестой узелок, и выглядела уже не такой встревоженной.

- Не могу поверить, что лежу невесть где, вы меня зашиваете, а мы хохочем! Как вы думаете, у нас все в порядке с мозгами?

- Скорее всего, все в порядке.

Я занялся ее предплечьем. То ли от острого края камня, то ли от ветки - на руке красовалась рваная рана длиной дюйма в четыре. На ее счастье, когда самолет вместе с нами, лишившимися чувств, прекратил движение на склоне, она ткнулась плечом в снег. Нажим и снег остановили кровотечение. На эту рану я должен был наложить не меньше дюжины швов.

- Давайте руку! - скомандовал я. - Высуньте ее из рукава.

Она, морщась, повиновалась.

- Кстати, как на мне оказалась эта чудесная рубашечка?

- Это я вас вчера переодел. Чтобы вы не замерзли.

- Между прочим, на мне был мой любимый лифчик.

Я показал пальцем через левое плечо.

- Возьмете, когда высохнет.

Порез на руке оказался для нее сюрпризом.

- Понятия не имела об этой ране, - призналась она.

Я объяснил, что ей надо благодарить позу, в которой она оказалась после катастрофы, и снег, и наложил очередной шов. Она наблюдала, как я работаю, не глядя мне в лицо.

- Какие, по-вашему, наши шансы?

- Берете быка за рога?

- Что толку ходить вокруг да около? От слоя глазури дела не улучшатся.

- Тоже верно. - Я пожал плечами. - Дайте-ка я сначала задам вам кое-какие вопросы. Вы кому-нибудь сообщали, что полетите в этом самолете?

Она отрицательно покачала головой.

- Ни по имейл, ни по телефону?

Грустный кивок.

- То есть ни одна живая душа на планете Земля не ведает, что вы воспользовались чартерным самолетом, чтобы добраться до Денвера? Вот и со мной то же самое...

- Все, наверное, думают или думали до вчерашнего дня, что я еще в Солт-Лейк, - прошептала она. - Сейчас меня уже должны разыскивать, только где? Я взяла ваучер и отправилась в отель - вот и все, что обо мне известно...

Я кивнул.

- Если судить по речам Гровера, я не могу придумать ни одной причины, почему кому-то может взбрести в голову нас искать. Никаких официальных сведений о нашем полете нет, потому что мы не представляли полетного плана. Еще Гровер

говорил что-то про правила визуального полета... Так что вот вам моя лучшая догадка: мы, два профессионала, имеющие на двоих лет двадцать учебы в колледже и дальнейшего образования, умудрились никому не сказать, куда отправляемся! – Я помолчал. – Получается, этот полет вообще не совершался.

Она опять посмотрела на Гровера.

– Еще как совершался! – Она взглянула на небо. – Я подумала, что быстренько перелечу в Денвер, обогнав бурю, да еще заведу по пути двух друзей, и жизнь продолжится.

Я разрезал леску.

– Мне очень жаль, Эшли. – Я покачал головой. – Вам бы сейчас заниматься маникюром-педикюром, готовиться к свадебному ужину...

– Бросьте! – остановила она меня. – Не казните себя, у вас же были самые добрые намерения. Я обрадовалась вашему предложению. – Она огляделась. – Сейчас, конечно, смешно об этом говорить, но тогда я действительно обрадовалась. – Она положила голову на снег. – У нас с подругами намечались спа-процедуры и массаж. Знаете про такой, с горячими камнями? А вместо этого я получила лед. Зато камней в избытке. – Она кивнула воображаемой подруге у меня за спиной. – Правда, холодных. Где-то там висит ненадетое платье и мается жених, потерявший невесту. Угадайте, сколько я заплатила за платье.

– Платье вас дождетя, жених тоже. – Я поднес к ее губам кружку, и она допила положенные 24 унции. – Хорошо, что у вас есть чувство юмора.

– Не считите за юмор, но мне надо по-маленькому.

– С одной стороны, это хорошо. – Я посмотрел на спальный мешок и вспомнил, что она не может пошевелиться. – А с другой, не очень.

– С какой стороны смотрим на это мы?

– С той, которая позволила бы вам не опираться на больную ногу. – Я огляделся. – Все бы отдал за катетер!

- Нет уж, от этих штук меня тошнит. Я привыкла делать это в одиночестве.

Я достал из рюкзака свою широкогорлую походную бутылку и положил рядом с ней.

- А от этого не тошнит?

- Прямо в это?

- Ничего другого не остается. Вам некуда деваться, но я могу вам помочь. - Я открыл лезвие швейцарского армейского ножа. - Сейчас я разрежу на вас штаны. Под вами двенадцать футов снега, поэтому я вырою ямку, в которой поместится моя рука с этой бутылкой. Дальнейшие действия понятны?

- Понятны, но мне все эти действия не нравятся.

- Нам надо определить количество мочи и нет ли в ней крови.

- Крови?

- Из-за внутренних повреждений.

- Думаете, мне их недостаточно?

- Повреждений? - Она кивнула. - Достаточно. Но нам нужно знать наверняка.

Я стянул с нее трусики, отложил их в сторону, разрыл под ней снег, подставил бутылку, она воспользовалась здоровой рукой, чтобы немного приподняться, не меняя положение ноги, потом вопросительно взглянула на меня.

- Можно?

- Валяйте.

Через несколько секунд она покачала головой.

- Никогда еще не испытывала в присутствии другого человека такого унижения...

- Учитывая, что я не только ортопед, но и врач неотложной помощи, редко выдается хотя бы несколько дней, когда я не исследовал бы человеческую мочу. Вставлять катетер тоже то и дело приходится.

Она поморщилась, и струя прервалась.

- Вы в порядке?

- Да, просто нога... - Она легла поудобнее, и мочеиспускание продолжилось, доносился звук жидкости, наполняющей бутылку.

- У меня замерзли пальцы, - пожаловалась она.

- Если вам от этого полегчает, мои пальцы так замерзли, что вообще ничего не чувствуют.

- Представьте, полегчало!

Я попытался ее отвлечь.

- Большинство людей с повреждениями внутренних органов и с кровью в моче после несчастного случая попадают в отделение экстренной помощи.

Она покосилась на меня.

- Думаете, от этого мне станет лучше?

Я достал бутылку и стал изучать цвет мочи.

- Угу...

Она переводила взгляд с меня на бутылку и обратно.

- Многовато...

- Да. И цвет хороший.

- Кажется, раньше никто не комментировал цвет моей мочи. Я не знаю, как на это реагировать.

Я помог ей снова одеться, подоткнул под нее спальный мешок, укрыл. При этом избежать телесного контакта было невозможно. Я не мог не обращать внимания на ее наготу, трогательную уязвимость.

Я подумал о Рейчел.

Когда мы закончили, она вся дрожала, а у меня было ощущение, что мне под ребра всадили нож. Тяжело дыша, я лег.

- Вы приняли обезболивающее? - спросила она.

Я покачал головой.

- Нет.

- Почему?

- Честно говоря, если вы считаете, что вам сейчас больно, то подождите три-четыре дня. У меня для вас хватит адвила только на неделю.

- Мне нравится ход ваших мыслей, док.

- У меня в рюкзаке есть сильное наркотическое средство, которое отпускается только по рецепту, но я думал приберечь его на вечер, когда вы не сможете уснуть.

- Можно подумать, что с вами такое уже бывало.

– Мы с Рейчел любим путешествовать и на собственном опыте поняли, что одно дело – наши планы и надежды и совсем другое – условия, которые сложатся в конкретный день. От них будет зависеть, что мы сможем сделать, как далеко уйдем. Поэтому лучше быть наготове – но и не нагружаться так, чтобы не сойти с места.

Она посмотрела на яму в снегу, где находился мой рюкзак.

– У вас там, случайно, не найдется красного вина?

– Нет, но могу угостить вас джином с тоником.

– Еще лучше! – Она уставилась на свою ногу. – Расскажите об устройстве, которое вы соорудили на моей ноге.

– Среди врачей ортопеды слынут плотниками. Боюсь, в отношении меня это чистая правда. Хорошо то, что эта шина довольно эффективна, во всяком случае, на короткий срок. Двигаться вы не сможете, разве что с моей помощью, зато у вас не получится причинить себе вред неосторожным движением. Эта штукovina вас защитит. Если будет слишком жать, скажите, я ослаблю давление.

– Сейчас такое ощущение, как будто по ноге двинули молотком.

Я приподнял край спального мешка и снова обложил ее ногу снегом под местом перелома и сбоку.

– Я буду так делать несколько дней. Это ускорит выздоровление и немного облегчит боль. Одна проблема: вы будете мерзнуть.

– Буду?..

Я закрутил бутылку с мочой и пополз на свет.

– Надо оглядеться и заодно вылить мочу.

– Хорошо. Я пока что приберусь здесь и, может, закажу пиццу или еще что-нибудь.

– Я предпочитаю пеперони.

– С анчоусами?

– Терпеть их не могу!

– Понятно.

Я выполз из фюзеляжа – или того, что от него осталось, – прополз под крылом, обогнул дерево и оказался на солнце. Было довольно холодно, хотя я готовился к худшему. Все постоянно твердят, что сухой мороз лучше влажного, но по мне – холод есть холод. Минус 13 – это минус 13, и никуда тут не денешься.

Стоило сделать шаг в сторону от слежавшегося снега, на который упал самолет, – и я провалился почти по пояс. От сотрясения я закашлялся. Мне очень не хотелось вскрикивать от боли, но, кажется, я не сдержался.

– Вы в порядке? – донесся из самолета голос Эшли.

– Да. Просто здесь пригодились бы снегоступы.

Я опорожнил бутылку и осмотрелся. Вокруг не было ничего, кроме гор и снега. Мы угодили на плато, слева от которого громоздились горные вершины, справа разверзлась пропасть. Я не ожидал, что мы упали на такой высоте, под 11 500 футов. Неудивительно, что было трудно дышать.

Оглядевшись, я уполз обратно и растянулся на «лежанке» рядом с Эшли.

– Ну что? – спросила она.

– Ничего.

– Да ладно, можете сказать мне правду. Я выдержу. Лучше не виляйте.

– Гровер был прав: это скорее Марс, чем Земля.

– Нет, серьезно? Давайте начистоту. Я привыкла, чтобы мне все вываливали как есть.

Я посмотрел на нее. Она полулежала, закрыв глаза, и ждала.

– Там... красиво. Хочется, чтобы и вы этим полюбовались. Вид... панорамный. Вы такого еще не видели. Уникальное зрелище! Я велел разложить два шезлонга, через несколько минут официант принесет коктейли с зонтиками. Я зашел сюда за льдом.

Она облегченно откинула голову. В первый раз я увидел ее широкую, от уха до уха, улыбку.

– А я было испугалась. Рада слышать, что все не так плохо.

До меня дошло, что Эшли Нокс – чуть ли не самый мужественный человек среди всех, с кем мне доводилось встречаться. Она лежала на снегу полумертвая, испытывая такие боли, какие большинству людей вообще никогда не придется испытать, зная, что не попала на собственную свадьбу, не говоря о том, что возможность спасения была до смешного мала. Спасти мы могли только собственными силами. Большинство ударилось бы в панику, впало бы в уныние, забыло бы о логике, а она умудрялась смеяться! Более того, заставляла смеяться и меня. Я уже забыл, когда смеялся в последний раз.

Я был совершенно обессилен. Мне нужно было поесть и отдохнуть, но отдых был несовместим с добыванием еды. Я уже составил план.

– Нам нужна еда, но я пока что не в состоянии ее раздобыть. Займусь этим завтра. А пока попробую развести огонь, да так, чтобы не растаяла наша пещера. Будем довольствоваться теплой водой и беречь энергию.

– Идея про огонь мне нравится.

– Спасатели учат: никогда не покидайте место катастрофы. Они правы, но мы очень высоко, мы получаем здесь вдвое меньше кислорода, чем привыкли, и

обоим нужно лечение, особенно вам. Завтра или послезавтра я начну думать о способе спуска. Возможно, попытаюсь что-то разведать. А пока... – Я ослабил болты и снял прибор GPS с панели. – Попытаюсь определить наше местоположение, слава богу, что в этой штуковине еще теплится жизнь.

Она удивленно посмотрела на меня.

– Разве вы умеете? У вас получится?

– Когда я был ребенком, мой отец понял, что я бегаю быстрее остальных. Это превратилось в его страсть, в смысл существования, как он сам это называл. Но я возненавидел его за это, потому что, как бы быстро я ни бегал, ему все равно было мало, вечно он измерял мои достижения с секундомером. Как только мы с Рейчел стали жить самостоятельно, мы устремились в горы. У меня хорошие легкие и сильные ноги, поэтому, как только мы закончили учебу и тренировки, начали приобретать снаряжение. Мы неделями не покидали горы. Возможно, я чему-то научился. И Рейчел тоже.

– Мне бы хотелось с ней познакомиться.

Я улыбнулся.

– Не обошлось без бойскаутов.

– Вы были бойскаутом?

Я кивнул.

– Это был единственный вид свободы, который предоставлял мне отец. Он решил, что мне нужна эта подготовка, которую он не может мне дать сам. Он меня привозил и забирал.

– И как далеко вы зашли? – Я пожал плечами. Она недоверчиво меня разглядывала. – Так вы из этих «Коршунов», «Скоп» или...

– Типа того.

- Как назывался ваш отряд?

- «Орлы».

- Вот-вот. Скауты-орлы.

Я догадался, что болтовня помогает ей отвлечься от боли.

- Похоже, скоро мы узнаем, действительно ли вы заслужили целую кучу нашивок.

- Похоже.

Я нажал кнопку, и шкала прибора замигала. На переносице Эшли появилась вертикальная морщина.

- У вас присуждали награды за достижения в электронике?

Я постучал по прибору.

- По-моему, он замерз. Не возражаете, если мы попытаемся согреть его в вашем мешке?

Она откинула полу спального мешка, и я аккуратно поставил прибор ей на колени.

- Электронике противопоказан холод. Он нарушает схему. Иногда согревание помогает.

- Винс, мой жених, совершенно во всем этом не смыслит. Если бы он угодил в этот самолет, то стал бы искать ближайший «Старбакс» и сетовать на отсутствие сотовой связи. - Она закрыла глаза. - Все отдала бы за чашку кофе!

- Эту проблему мы можем решить.

- Не говорите, что у вас есть кофе!

– У меня три мании: бег, горы, горячий крепкий кофе. Порядок маний произвольный.

– Я заплачу вам тысячу баксов за чашку кофе.

Горелка «Джетбойл» – одно из величайших достижений в туристических технологиях, которое следует сразу за компасом. Конечно, пуховой спальник тоже заслуживает похвал. Я набрал в горелку снега, включил ее и стал искать в рюкзаке пакет с кофе. Хорошая новость: я его нашел. Плохая: кофе осталось с гулькин нос. Его хватило бы всего на два-три дня, и то при соблюдении жесткой экономии.

Эшли увидела, как я вынимаю кофе из рюкзака.

– Бен Пейн, вы принимаете кредитные карты?

– Вы тоже любительница кофе? Трудная ситуация – это возможность проверить, что мы по-настоящему ценим.

С помощью нехитрого приспособления эту горелку легко превратить во френч-пресс. На это ушло всего несколько долларов, зато я пользовался приспособлением сотни раз и не уставал восхищаться его простотой и полезностью. Вода вскипела, я заварил кофе, дал ему осесть и налил ей чашечку.

Она схватила ее здоровой рукой и поднесла себе под самый нос. Вспыхнула восторженная улыбка. Казалось, на короткое мгновение ей удалось отрешиться от мира, проявившего к ней такую жестокость. Я уже понимал, что юмор – ее способ побеждать боль. Я уже встречал таких людей. Обычно в их прошлом закопана какая-то эмоциональная травма, которую они маскируют с помощью юмора или сарказма. Это помогает им отвлечься.

Ее боль усиливалась. У меня было всего две пилюли перкосета, одну из которых ей придется проглотить на ночь. А впереди было еще много тяжелых ночей. Со времени последнего приема адвила прошло уже шесть часов, поэтому я отвинтил крышечку, вытряхнул в ладонь четыре таблетки и дал ей. Она проглотила их и запила кофе.

– Как потрясающе действует кофе! – довольно прошептала она и передала чашку мне. Я тоже пригубил и согласился, что кофе хорош.

Она указала подбородком на свой чемоданчик.

– Там лежит пакет мюсли, я купила его в терминале.

Смесь из кусочков сухого ананаса, абрикосов и всевозможных орехов весила добрый фунт. Я отдал пакет ей. Оба насыпали себе пригоршню и стали медленно жевать.

– Лучшие мюсли в моей жизни! – одобрительно пробурчал я с набитым ртом и угостил пса. Он понюхал угощение, тут же слопал его и начал, виляя хвостом, кланчить добавки. Для пущей убедительности он положил лапы мне на грудь.

– Как сказать собаке, что добавки не будет?

– Сами выкручивайтесь! – отмахнулась она.

Пришлось дать ему еще немного, но когда он потребовал еще, я сбросил его с себя и твердо сказал «нет». Отвергнутое создание обиженно отвернулось от меня и улеглось калачиком у Эшли в ногах.

Мы долго сидели молча, пока не выпили весь кофе.

Потом она сказала:

– Не выбрасывайте гущу, ее можно использовать во второй раз, а в совсем уж отчаянной ситуации жевать.

– Как серьезно вы относитесь к кофе! – Я опять нажал кнопку прибора GPS, и он заработал. – В вашем кейсе есть бумага или блокнот?

– Обязательно, в переднем отделении.

Я нашел желтый блокнот и карандаш, включил на приборе изображение нашего местоположения и попытался перерисовать его как можно ближе к оригиналу. Координаты я записал с точностью до минуты. Держа в руках рисунок, которым гордился бы воспитанник детского сада, я сказал Эшли:

– Я сейчас.

Выбравшись наружу, я сравнил свой рисунок с тем, что предстало моему взгляду, жирно обвел горы и попытался запомнить хребты и их ориентацию по сторонам света. Теперь я знал, где у нас север, где юг. Одно дело потеряться, другое – блуждать. Я мог не знать, где мы находимся, но способность определить направление – уже что-то. Еще я знал, что батарейки долго не протянут и то, что я перерисовал, очень пригодится впоследствии. Чем больше проходило времени, тем яснее становилось, в какую беду мы угодили. Все складывалось хуже не придумаешь.

– С какой новости начать – с хорошей или с плохой?

– С хорошей.

– Я знаю, где мы.

– Теперь давайте плохую.

– Мы находимся на высоте 11 652 фута плюс-минус три фута, ближайшая лесовозная дорога пролегает в тридцати милях и в пяти горных перевалах отсюда, вот здесь. – Я показал ей место. – От ближайшего очага цивилизации и от дороги с твердым покрытием отсюда полсотни миль. И в довершение всего снега вокруг столько, что я могу провалиться в него с головой.

Она прикусила губу и, сложив на груди руки, оглядела белые стены пещеры.

– Вам придется оставить меня здесь.

– Это не в моих правилах.

– Это начертано на снегу: вам меня не вытащить. У вас одного больше шансов. Оставьте мне кофе, берите ноги в руки, забирайте с собой мои координаты. Пришлите сюда вертолет.

– Лучше пейте кофе и помалкивайте, Эшли.

– Я замолчу, а вы признайте, что это хоть какой-то шанс. – Она прищурилась. – Признаете?

– Значит, так. Нам нужен костер, еда, нам нужно спуститься на несколько тысяч футов. Остальное обсудим потом. Всему свое время.

– Но... – Она была сильной, ее мужественность производила впечатление. Такому не учат в школе. Ее тон изменился. – Будем смотреть правде в глаза. Это хоть какая-то возможность.

– Говорю вам, я не могу бросить человека в беде.

Песик уловил мой новый тон, встал, подошел к Эшли и засунул голову под ее ладонь. Он еще не простил мне эпизод с мясли. Она почесала его за ушком, у него заурчало в животе, он оглянулся на меня и вернул голову на прежнее место.

– Я слышу. Знаю, ты голоден.

Мы слушали ветер, трепавший брезент. Я опять залез в свой спальный мешок, чтобы согреться.

– Вы всегда так поступаете с вашими друзьями? – спросил я ее.

– Как?

– Готовите их к худшему.

Она кивнула.

– Если худшее возможно, лучше не засовывать голову в песок, не прятаться от худшего, не спасаться бегством. Оно может случиться. Лучше заранее к этому подготовиться. Тогда превращение вашей худшей догадки в реальность не собьет вас с ног.

Я растопил в горелке еще снег, и мы попили горячей воды. Это, по крайней мере, кое-как подавляло голод. Весь день мы провели в полудреме. Несмотря на мюсли, еда была острой проблемой. На голодный желудок я ничего не мог предпринять, но чтобы преодолевать снежные заносы в поисках еды, мне требовалась энергия. Следующий день обещал быть трудным. Возможно, такого сложного дня у нас еще не было. Боль в груди становилась все сильнее и обширнее.

С наступлением сумерек похолодало. Пока совсем не стемнело, я вылез наружу, раскопал снег под нижними ветками разлапистой ели, сгреб несколько кучек сухих иголок и обломков веточек и сложил их под крылом. Для этого мне потребовалось три вылазки, во время которых я задыхался и то и дело хватался за грудь. Эшли, щурясь, наблюдала за моей возней.

Дверца Гровера была единственным доступным нам железным листом, повисшим на одной петле. Весу в ней оказалось не больше десяти фунтов. Я оторвал ее, ударив ногой, положил под крыло, навалил сверху еловых иголок и веток. Проблема с костром в нашей ситуации заключалась в том, что огонь мог растопить нашу защитную стену, не говоря о том снеге, на котором мы располагались. Дверь служила щитом для тепла, а холодный воздух снаружи должен был обеспечить прочность нашей пещеры ночью. Стоило солнцу начать клониться к закату, как температура ощутимо упала.

Чтобы зажечь костер, нужна была искра. Можно было бы воспользоваться горелкой, но бутан следовало экономить. Тут я вспомнил про зажигалку Гровера. Пришлось разбросать снег, чтобы, запустив руку в карман его джинсов, вытянуть оттуда зажигалку. Ее щелчок напомнил мне о Дине Мартине и о Джоне Уэйне. Я крутанул колесико и увидел язычок пламени.

– Спасибо, Гровер.

Я покрутил зажигалку пальцами. За много лет она поцарапалась, углы сточились. Но на ребре еще можно было разобрать выгравированную надпись:

«Фонарь, освещающий мне путь».

Я поджег веточку, дал ей разгореться и, дождавшись, чтобы огонь дополз почти до моих пальцев, подсунул ее под горку сухих иголок. Они мигом занялись. Я подбросил в огонь пустую коробочку от мюсли, добавил веток покрупнее. Костер разгорелся быстро.

Эшли смотрела, как превращается в пепел бумажная коробочка.

– Хорошие были мюсли...

Песик, почуяв тепло, переполз на край ее спального мешка и свернулся калачиком футах в четырех от пламени. Огонь улучшил наше настроение, совсем упавшее из-за голода и слишком слабой надежды отыскать пропитание.

Я полагал, что смог бы продержаться без еды неделю, была бы вода, но какой бы от меня, такого слабого, был толк? Много лет назад меня привел в ужас фильм «Живые»^{[10} - Кинофильм Фрэнка Маршалла, реконструкция печально знаменитых событий о крушении уругвайского самолёта над Андами в 1972 году. Фильм снят по книге Пирса Пола Рида «Живые: История спасшихся в Андах», основанной на документальном материале. В главных ролях – Итан Хоук, Винсент Спэно.]. Сейчас, глядя на Гровера, я боролся с еще более сильным приступом ужаса. О том, чтобы начать есть его, и речи быть не могло. Это означало – если, следуя правилу Эшли, не прятать голову в песок, то есть в снег, – что перед лицом голодной смерти у нас не осталось бы другого выхода, кроме пожирания собаки. Но проблема состояла в том, что ее хватило бы нам всего на один раз. Наверное, впервые в жизни плюгавый размер джек-рассел-терьера стал его спасением. Будь он лабрадором или ротвейлером, я бы более серьезно подверг сомнению его выживание в сложившихся обстоятельствах.

Мы таращились на огонь, пока глаза не устали. Эшли нарушила молчание.

– Я все думаю, что бы подарить Винсу на свадьбу. Никакой фантазии! Что бы вы предложили?

Я подбросил в костер хворосту.

– Я подарил жене на первую годовщину свадьбы хижину в Скалистых горах, в Колорадо. Снегу там было по пояс. – Я выдавил смешок. – Мы еще выплачивали университетский кредит, гроша ломаного за душой не имели, поэтому приняли решение обойтись без подарков.

– Что, совсем ничего ей не подарили? – спросила она со смехом.

– Ограничился багровой орхидеей.

– И пошло: орхидеи, потом теплица...

Я кивнул.

– Мне нравится, как вы рассказываете про жену. Понятно, что вы вместе строите жизнь. По работе я встречаю людей, о которых этого не скажешь. Многие относятся к партнерам по браку как к соседям по комнате. Иногда их пути пересекаются, они делят рассрочку, может, заводят детей. Но каждый погружен в себя. То, как вы говорите о жене, очень впечатляет. Как вы познакомились?

Я потер глаза.

– Давайте завтра? Мы должны попробовать уснуть. – Я протянул руку. – Вот, возьмите.

Она подставила ладонь.

– Что это?

– Перкосет.

– ?

– Сочетание оксикотина и тайленола.

– Сколько у вас доз?

- Три.

- Почему бы и вам не принять?

- Мне не так больно, а у вас впереди еще завтра и послезавтра. Берите! Это поможет вам уснуть. Здесь, на высоте, в разреженном воздухе, одна таблетка действует как две.

- В каком смысле?

- Сильнее эффект.

- У меня пройдет головная боль?

- Может, и нет. Здесь все-таки высокогорье, а вы к тому же получили при падении сотрясение мозга.

- А у вас болит голова?

- Болит.

Она потерла себе плечи и затылок.

- У меня все затекло.

- Травма шеи, - объяснил я.

Она сглотнула и опять уставилась на Гровера. Он сидел, замерзший, в пяти футах от края ее спального мешка, почти полностью засыпанный снегом.

- Мы можем что-нибудь с ним сделать?

- Надо бы его похоронить, но я не смогу сдвинуть его с места. Мне самому-то сейчас сложно двигаться.

- У вас очень затрудненное дыхание.

- Отдыхайте. Я побуду тут, снаружи.

- Одна услуга...

- Конечно.

- Мне опять... надо.

- Никаких проблем.

В этот раз все получилось быстрее, мочи набралось много, ее цвет меня устроил. Я обложил ее ногу снегом, и Эшли сказала:

- Знаете, вы можете в любой момент прекратить это занятие. Мне очень холодно.

Я потрогал пальцы у нее на ноге, проверил пульс на лодыжке.

- Потерпите. Если я позволю вашей ноге перегреться, то кривая боли поползет вверх, и... - Я покачал головой. - Это вам ни к чему. Во всяком случае, не здесь. - Я убрал немного снега со здоровой стороны ее ноги, сделал полочку, на которой мог поместиться, и положил туда свой мешок. - Температура падает, нам лучше друг друга согревать, это позволит нам выспаться и дольше прожить.

- Сколько сейчас времени? - спросила она.

- Седьмой час.

Она растянулась, глядя вверх.

- Самое время идти к алтарю.

Я опустился рядом с ней на колени. Было холодно: пар шел изо рта.

- Это ваше первое замужество?

Она кивнула со слезами на глазах. Я предложил ей свой рукав, и она вытерла слезы. Я проверил швы у нее на голове и над глазом, потом осторожно натянул ей на голову шапку. Глаза у нее запали, припухлость была уже не такой сильной, отечность лица тоже немного спала.

- Ничего, все у вас будет хорошо. Мы спустимся с этой горы, и вы выйдете замуж
- разве что немного позже, чем планировали...

Она улыбнулась и закрыла глаза. Утешение, которое я ей предложил, было слишком слабым.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Фильм производства США – Германия (1999 г.), режиссер Джеймс Мэнголд. В главных ролях – Вайнона Райдер, Анджелина Джоли и др. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

2

Фильм производства США – Германия (1995 г.), режиссер Сидни Поллак. В главных ролях – Харрисон Форд, Джулия Ормонд, Грег Киннер.

3

YMCA (ИМКА; от англ. Young Men's Christian Association – Юношеская христианская ассоциация) – молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей.

4

Американский бизнесмен, воздухоплаватель, яхтсмен, известен своими многочисленными путешествиями и рекордами в воздухоплавании и парусном спорте. Погиб в 2007 г., разбившись на одномоторном самолете. (Прим. перев.)

5

Больно? Вы не знаете Пейна. Знаете Пейна? Вам не больно. Pain (англ.) – боль, Ruane – фамилия героя. (Прим. перев.)

6

Песня американской скрипачки и исполнительницы в стиле кантри Элисон Краусс.

7

Американский кинофильм режиссёра Сидни Поллака, вышедший на экраны в 1972 году. Сценарий фильма основан на романе Вардуса Фишера «Человек гор» («Mountain Man») и рассказе Рэймонда У. Торпа и Роберта Банкера «Убийца кроу» («Crow Killer»). В главных ролях – Роберт Редфорд, Уилл Гир.

8

Филлип Макгроу – американский психолог, писатель, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил». (Прим. перев.)

9

Американский мюзикл (1965 г.) режиссера Роберта Уайза. В главных ролях – Джулия Эндрюс и Кристофер Пламмер.

10

Кинофильм Фрэнка Маршалла, реконструкция печально знаменитых событий о крушении уругвайского самолёта над Андами в 1972 году. Фильм снят по книге Пирса Пола Рида «Живые: История спасшихся в Андах», основанной на документальном материале. В главных ролях – Итан Хоук, Винсент Спэно.

Купить: <https://telnovel.com/ru/charlz-martin/mezhdu-nami-gory>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)